

МАКС ОСТРОГИН

INFERNO

бог калибра 58

Макс Острогин
Бог калибра 58
Серия «Inferno», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=593595
Бог калибра 58: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-44402-1

Аннотация

Каков он, мир «послезавтра», когда реальность, какой мы ее знаем, исчезнет навсегда, все погрузится в хаос, и мор, спящий до срока, пробудится и обернется порождениями Inferno? Есть ли в нем место герою, Праведнику, Истребителю погани? Хватит ли у него сил остановить порождения тьмы? И какой будет цена?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Глава 3	39
Глава 4	64
Глава 5	84
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Макс Острогин

Бог калибра 58

Глава 1

Жнец

Я увидел рюкзак. На дороге. Лежал одиноко.

– Может, он все-таки убежал? – спросил Ной. – Скинул груз, оторвался. Бывало ведь...

– По асфальту-то?

– Сбросил рюкзак, опять свернул...

Я помотал головой.

– Нет, он мертв. Ты считал?

Ной кивнул.

– Сколько?

– Три пятьдесят.

– У меня три двести, – сказал я. – Гомер выстрелил где-то на пятьдесят первой минуте. То есть на пятьдесят первой минуте его и догнали. Если бы жнец не приблизился, Гомер бы не стал палить. Так?

– Так, – согласился Ной.

– После выстрела он, конечно, сбросил штуцер, ушло четыре килограмма. Возможно, он пробежал еще метров двести-триста. И все. Гомер мертв.

Ной хлопнул носом, вытер соплю рукавом.

– Может, мы неправильно считали?

Ной старался заглянуть мне в глаза, ненавижу эту его при-

вычку.

– Я иногда сбиваюсь. – Ной продолжал утираться. – Секунду не за два шага считаю, а за три. Пять минут ведь всего... Могли и просчитаться.

Я никогда не ошибаюсь. То есть не считаю секунду за три шага, всегда за два. Этому меня сам Гомер учил – это ведь жизненно важно, чуть просчитался – и все, вынос. А Ною очень хотелось, чтобы Гомер остался жив. Потому что он виноват, Ной. Руки чесались сказать ему об этом. И по шее. Хотя мне и самому желалось верить, если честно.

– Может, и просчитались. Посмотрим. Надо с торбой разобраться. Дай брезент.

Ной расстелил брезент, я вытряхнул на него содержимое рюкзака.

Три пластиковые бутылки с порохом – самое ценное. В каждой на пятьсот зарядов. Тысяча пятьсот выстрелов. Настоящее сокровище. Одну бутылку Ною, две мне. Потому что я сильнее. Хотя нет, ему нельзя порох доверять, все мне.

Пулелейка. Пулелейка нам совсем ни к чему. Гомер пользовался старым винтовым штуцером, мы гладкоствольными карабинами. Штуцер четыре килограмма, карабин два. Разница. К тому же Гомер был очень удачным – я имею в виду рост и силу. Еще старая генетика. А мы новая. Захудалая. Немочь. Особенно Ной. И не вырастем больше. Так что штуцер нам не уволочь.

– Может, продадим? – спросил жадный Ной.

– Да кому она нужна? У всех свои калибры... и тяжелая еще.

Я столкнул пулелейку с брезента на асфальт.

Запасной нож. В ножнах. Рукоятка красивая, наборная, из дерева и из меди, зверь какой-то вырезан. Лошадь с рогом. Вытянул из ножен. Нож был в желтоватой смазке, я вытер лезвие об рюкзак. На медном кольце вырезано имя.

Кира.

Никаких Кир я не знал, размахнулся, разрубил пулелейку на две блестящие части.

– Ого! – восхитился Ной. – Вот это да! Булат?

Я посмотрел на лезвие, полюбовался узором, оценил на пальце центровку, выкинул в придорожную канаву.

– Булат.

– Ты что! – возмутился Ной. – Им же можно гвозди рубить!

– Ты когда-нибудь рубил гвозди? – спросил я.

Ной промолчал.

– Вот и я не рубил. Он же затупится мгновенно. А просто так его не наточить, точило особое нужно. Ты будешь с собой точило таскать? И точить два дня? И смазку варить?

– Зачем тогда его Гомер держал?

– Откуда я знаю? Может, память какая. Только он почти полкило весит, зачем нам такой нож?

– Не знаю. Острый...

Острый. Такой острый, что не заметишь, как пальцы себе

отрежешь. И ржавеет. Абсолютно ненужная вещь. Смазывай его, точи, снова смазывай, да еще сам берегись. А хватит на три удара. Да и ударять кого?

Пули. Почти сотня. Обычные, свинцовые. Тоже ни к чему. У нас хороший запас, и пули, и дробь, и картечь, и пулелейки есть на всякий случай, тяжесть долой. Я собрал пули в горсть и выкинул в кусты.

– Ты что все выкидываешь? – с недовольством спросил Ной. – Все может пригодиться...

– Заткнись лучше, – посоветовал я. – Чем меньше вес – тем шибче скорость, ты это знать должен.

Аптечка. Тут, конечно, я ничего выкидывать не стал. Шприц забрал себе, бинты, батарейки и спирт честно поделили пополам.

Патроны. Две пачки. Пять сорок пять. В зеленой маслянистой коробке.

– О! – застонал Ной. – Патроны! Их тоже выкинешь?!

Я думал. Патроны вещь, конечно, не совсем бесполезная. Да в походе от них особого толку нет. Потому что тяжелые. Каждый грамм веса – это лишние секунды выносливости, лишние сто метров бега. А это решает все. С другой стороны, патроны можно обменять, Гомер говорил, что у Кольца они ценятся. Там люди по подземельям сидят, в дальние походы не ходят, там патроны в цене. Если, конечно, оружие осталось в исправности. Пять сорок пять, частый калибр.

– Давай я понесу, – вызвался Ной. – Патроны. А что, я

легко...

Жадность – грех. Так говорил Гомер.

Я снял с пояса складень, вытянул плоскогубцы.

– Нет... – прохныкал Ной. – Не надо.

Свернул с патронов пули, высыпал порох в рожок. Хотел отковырять капсули, но поопасался.

– Я не могу, – Ной почесал голову. – Ты все не так делаешь, ты...

– Заткнись, – еще раз посоветовал я. – Теперь я старший, теперь ты меня слушайся.

Ной пробормотал что-то недовольное.

Блохоловка. Почти новая. Ной сразу на нее принялся смотреть хищно.

– Интересно, почему он ее не носил? – спросил Ной.

– У него две всегда было, – ответил я. – Одну носил, другая отдыхала. Очень блох не любил, культурный человек...

– Как делить будем?

– По справедливости, как же еще...

Я расстегнул ворот, достал цепочку с блохоловкой. У меня плохая, не очень эффективная, из старых портянок, смазанных жиром. Блохи на нее, конечно же, лезут, но тут же и соскакивают, приходится часто доставать, стряхивать. Другое дело Гомера блохоловка – настоящее произведение искусства, полет разума, что говорить.

Поэтому я свою сразу выкинул подальше, а эту, круглую и хорошую, надел.

Ной надулся.

– А ты что думал? Тебе, что ли? Недостоин ты. Радуйся, что вообще жив. Это из-за тебя Гомер погиб.

– Да я не смог...

– Смог не смог – теперь уже поздно гадать, Гомера не вернешь. Но что-то мне подсказывает, что он бы вряд ли тебе ее оставил.

– Откуда ты знаешь?

Но я уже закрыл куртку на ворота и вступать в дальнейшие споры о блохоловке был не намерен, я и так ее судьбу уже определил.

Продолжили разбирать рюкзак.

Тюбики. Белые. Разноцветные. Некоторые пустые, я их сразу отшвыривал, своих пустых полторбы, в других были мелкие вещи. Нитки-иголки – оставил, спички – долой, белые шарики – какие-то неизвестные лекарства, попробовали по штуке, капсулы – поделили.

В красном тюбике пиявочный порошок, я его сразу по запаху узнал, полезная вещь. Если вдруг тромб зацепишь, только это и спасает, сразу пол-ложки нужно глотать. Поделили.

В желтом тюбике обнаружился мед. Горький и сладкий одновременно. Мы его съели, сожрали, не подумав, и я вспомнил. Чревоугодие. Тоже грех. Смертельный. То есть смертный. Через чревоугодие, пресыщение плоти своей без удержу многие люди, даже из великих, попросались с жиз-

нью.

Вот и наш Гомер тоже.

Правда, пресыщал не он, а Ной, но какая здесь разница? Ибо распространяется грех не только на грешника, но и на всех, кто подле, как сыть, как поганый микроб, выедающий мозг. Так все было.

Восьмой день мы продвигались на юг. Сначала через привычный лес, потом начались руины, Гомер так и сказал:

– Запомните, это руины. Настоящие.

Руины были похожи на свалку. Ну, только не совсем, какой-то порядок в этих руинах наблюдался. Квадратного много. Гомер рассказал, что раньше тут стояли города. Только города, никакого леса, никакой воды, вся вода под землей, в трубах. А если надо, то краник открываешь – она и течет. Потом случилась Мгла, и все перемешалось. В крошку.

У нас, кстати, тоже руины есть, рядом со станицей все-таки город, хотя и маленький. Но нашим руинам с этими не тягаться.

Через руины пробираться оказалось нелегко. К тому же сам Гомер не спешил, все прислушивался да принюхивался, не отрывался от бинокля, сидел много, думал. На Папу поглядывал.

Папа недовольно лежал в своей клетке, бурчал.

Ной дразнил его соломиной, тыкал в нос, Папа ярился, выдвигал сквозь прутья лапу, шипел, старался Ноя загрызть. Это было смешно, но мы не смеялись. Позавчера Иван по-

смеялся, теперь его нет.

Вообще, Ною нельзя было с нами идти – он же не чувствует ничего, калека, отброс, ему коврики вязать с бабами, траву кроликам собирать... Но случилось так. Вряд ли Ной был рад нашему походу. Особенно на третий день. И на пятый, ближе к вечеру. А на восьмой день нас осталось всего трое: я, Гомер и Ной.

Из шести.

С утра нам попался еж. Пробирались через эти самые руины, а потом вдруг раз – и бор, все деревья сгорелые, но так и растут. И маленькие, и большие. Шагали, как всегда, не спеша, слушали, и вдруг Папа у Гомера на спине зашевелился. Зашевелился, зашевелился, забурчал утробой – верный признак, что впереди еда какая-то, он до еды жаден.

Так и оказалось, прошли еще немного и увидели болотце. Нормальное, не хлябь и не хмарь, камыши вокруг растут, лягушки квакают. Спрятались за кочкой, Гомер стал в бинокль смотреть и увидел ежа. Еж на змей охотился, наверное, думал их семейству своему нести. Много наловил, штук пять, наверное, взял их всех в пасть и поволок. Идет, а змеи болтаются, а тут Папа, мы его специально выставили. Ну, еж Папу увидел, пасть раззявил и напрямиком к нему. А Гомер его острой! С тридцати метров, Гомер мастер острогу метать.

Убили мы этого ежа, почистили от шубы и давай жарить. Давно уже мяса не ели, не помню уж и когда в последний раз. Насадил ежа на палку, над углями поворачиваем, а он жа-

рится, жирком потрескивает, отличный ежара, два дня есть можно.

Пожарился, разделили, мне нога досталась, стали есть. Как положено, не спеша, маленькими кусочками, пережевывая. А я еще сразу заметил – Ной что-то раздухарился – и чавкает, и косточки обсасывает, и мурчит, как Папа. Но значения не придал – а надо было, надо.

Подумал, что с Ноем все мне, в общем-то, понятно.

Все понятно. То, что он на нос тугой, сразу стало ясно, с детства еще. Вот его хорошо и не кормили, какие с него перспективы? Охотник из него без носа никакой, для потомства он тоже не очень – а вдруг это хлюпанье и дальше передастся? Так что мясом в жизни Ной был не избалован – а тут целый еж! Он и не удержался, проявил нетерпение.

Хотя мы все хорошо поели, и Гомер, и я тоже. И даже Папе перепало, целая ежиная голова, он ее лапой уцепил, морду в прореху выставил – и как зажрал! Только слюни в разные стороны полетели, Папа вообще любит пожрать. И охотиться умеет. Днем его в лес вынесешь, поставишь на пенек, и он охотится. На белок. Смотрит на белок, а они сами к нему идут от любопытства. Ценный у нас Папа, если очень в обжорстве свирепствует, так за неделю может на шубу белок наловить – шкуры-то он не жрет никогда. Правда, жирный уже – в клетку не влезает. Гомер его голоданием лечил – клетку в специальный чехол, чтобы не приманивал никого, только воды давал и клизмы ставил. Можете представить –

голодный Папа, да еще на клизмах? Страшен. Однажды прогрыз в чехле дырку и стал смотреть и гудеть. А рядом как раз бабы толочно толкли, так он одну подманил и чуть палец ей не отгрыз.

И сейчас обожрался, а сытое брюхо для слуха глухо, так еще раньше говорили.

И мы обожрались. Угли притушили, разморило что-то. Гомер карту стал промерять, записывал, потом на небо смотрел. Говорил, что совсем скоро уже, правильно идем, вон оно, шоссе, простирается.

Гомер указывал направо.

Правильно идем. И до Кольца день пути, может, два, если не торопиться. А у Кольца всегда кто-то есть. Всяким торгуют, оружием, снарягой, лекарствами. И тем, что нам надо тоже. А нам всего ничего надо, штуки две-три, на порох поменяем. Пороху у нас много, Гомер всю зиму экономил, рыбу добывал.

Я поглядывал на Ноя. Вообще, все удачно пока получилось. Вышло нас много, а осталось двое, Гомер не в счет, он уже старей, ему уже все равно. Я, конечно, первым выбирать стану.

Я закрыл глаза и представил, как я стану выбирать. Вот подойду, посмотрю и скажу...

Дальше почему-то совсем не представлялось.

А Гомер уже рассказывал. Про то, как раньше жили, до Мглы, до Воды. Даже по воздуху летали, даже за воздух, в

космос прямоиком. А потом он вообще от еды опьянел – возраст, тридцать лет все-таки, уже совсем не молод – и стал истории травить. Про то, как он в юности – ну, вот как в нашем возрасте совсем – два раза ходил за Кольцо. Не к границе, а за нее прямо, в город. И чего он там только не видел...

Я эти истории раз восемь уже слышал. Про все эти хождения, но все равно слушал.

– Хляби там – совсем не такие, как у нас, – рассказывал Гомер. – У нас что, ну, ноги лишишься – и то навряд ли, ну, подумаешь, кожа слезла. А там... Вот стоит только чуть дотронуться – так сразу весь сгораешь. Как порохом посыпанный. А с неба дождь иногда идет. Но не простой!

Гомер грозил пальцем.

– Не простой дождь – кровавый! С глазами. И стены там тоже – кровью плачут, сам видел. Вот вроде бы стена как стена, белая или, допустим, кирпичная. А если приглядеться – то кровь из нее сочится. И к такой стене лучше не подходить, лучше от нее совсем подальше держаться. А демоны? Они живут в самом центре. Я уж врать не буду, не видел их. Но говорят, страшнее нет ничего на этом свете. Не спастись. Их никто не видел, но иногда находят кожу, содранную с еще живых.

Ной хлюпнул.

– А тех, в чьем сердце живет зло или страх, демоны убивают сразу, – подмигнул Гомер. – Или жадность. Или гордыня. Или чревоугодие – это все грехи. И если есть грех на

человеке, то демоны это чувят. И судьба грешников горше полыни. Демоны отнимают у них душу, тело же уродуют до неузнаваемости, так что у некоторых скелет становится наружу, а голова смотрит назад, за плечи. И там везде норы. Под землей то есть. Есть туннели, по которым раньше поезда бегали, в них теперь тьма. Есть кротовни – их прорыли адские кроты. Они всегда там роют – чтобы совсем все подрывать – тогда весь город прямиком в преисподнюю провалится, и вместо него останется только кипящая смола. А есть особые туннели, самые глубокие, железные, в них неизвестно что, я только шахты видел, которые под землю опускаются. И шахтеров. Они уже давно не люди. А совсем внизу, подо всем этим, оно и лежит.

В этом месте Гомер всегда делал паузу, и кто-то из присутствующих должен был непременно спросить: «Что лежит?»

– Что лежит? – спросил Ной.

– Оно, – зловеще ответил Гомер. – Московское Море.

Гомер насладился заслуженной тишиной и продолжил:

– Или Мертвое Море. Или Море Мертвых. В самых темных недрах, ниже всех труб, ниже шахт, ниже железных подземелий, под гранитной плитой оно и есть. Вот откуда Мертвые Ключи появляются, как вы думаете? От него. Потому что хочет Мертвое Море вырваться вверх. Старые люди давно говорили – не надо туда лезть, ибо предсказано – Ад, он там.

Гомер указал пальцем вниз.

– Говорили же умные – не открывайте это море, ибо в нем

спит Дракон, поверженный во тьму самим Георгием, Дракон и все его поганство. Но не послушались любопытные, про-сверлили дыры, вот все поганое и поползло, разлилось по миру, разбежалось, и стал Потоп, и Пепел, и Хлад, и Мор, и Железная Саранча, и Спорынья, все, как раньше и предписы-валось. И наступил Предел Дней, ибо Дракон уже порвал почти все оковы и сдерживает его лишь последняя Печать, но и она скоро падет, потому что четыре Ангела уже протру-били...

Мне стало, как всегда, не по себе – очень уж хорошо все Гомер рассказывает, правдиво. И про Хлад, и про Мор. А что правдиво, Хлад я и сам помню немного. Помню, темно все-гда, а воду из сосулк добывали. А Мор он то и дело случает-ся, сейчас вот тоже Мор, Спорынья разная. Оттого и идем.

– Карабины проверяем, – неожиданно сказал Гомер.

Есть у него такая черта. Воспитательная. Рассказывает что-нибудь, или просто жрем, или даже спим – а он разбудит – и заставляет. Много у него разных тренировок.

То на одной руке висишь, а другой карабин перезаряжа-ешь – не очень удобно, приклад коленями зажимаешь, пулю скусываешь с воротника, порох из рожка зубами насыпаешь, а шомпол вообще лбом забиваешь. И чтобы в минуту два выстрела, не меньше.

Или дыхание вот задерживаем. Сидим друг напротив дру-га с красными рожками и не дышим. Или приседаем – и не дышим. Я, если приседать, могу две минуты не дышать, а так

хоть пять. Упражнение, кстати, полезное. Вот четыре дня назад – у Фета противогаз разошелся, пока он его вулканизировал, два раза успел пылицы вдохнуть. Вроде ничего, обошлось, а на следующее утро нашли мы Фета в одной стороне, а его легкие в другой. Гомер даже хоронить запретил.

А еще вот закапываемся, тоже наша любимая штука. У каждого маленькая лопатка, Гомер свистит в гильзу, а мы закапываемся. Тут самое главное верхний слой снять ровно и саму почву утоптать – чтобы никаких холмиков, чтобы все одинаково. Шнорхель, опять же, аккуратно – чтобы неприметен был. И не глубже чем на метр – иначе не вылезти. Закопаешься и сидишь, ждешь, пока Гомер знак подаст. А он может и не сразу подать, я вот однажды два дня пролежал, чуть в землеройку не переделался.

А кто последний закопается, тот идет пиявок ловить – ничего в этом хорошего.

Все в пользу, говорил Гомер, легко в обучении – тяжело в лечении.

– Карабины проверяем, – приказал Гомер.

И мы тут же проверили карабины. Плотно ли капсули сидят, пули не выкатились ли, дульные пробки покачали. Все было в порядке, и удовлетворенный Гомер продолжил. Про День Гнева, конечно.

– Печать треснет, Дракон выскочит, и вот тогда-то он и наступит, – с удовольствием сказал он. – День Гнева. Уже совсем скоро. Совсем-совсем. Вода, Хлад, Мор. Огня лишь

дождаться. И все сойдется в кулак.

– А зачем мы тогда премяся? – сыто спросил Ной. – Если все равно все умрем?

– Болван, – тут же ответил Гомер. – И так все умрем, никто вечно не живет. Но это неважно. А важно, как ты жил. Если ты жил как человек, с добром в сердце, то ты потом возродишься, Владыка своих не бросит. Если мы не вернемся с успехом, зло умножится и окрепнет. А если вернемся, то наоборот. К этому должно стремиться!

Мы кивнули. Я вот очень хорошо представлял это все.

– Если сделать много добра, то оно сольется в одно большое Добро – и тьма скорее сгинет. Понятно?

– Понятно, – сказал Ной. – Добро – есть свет, свет есть Бог, только добро имеет вес на Великих Весах.

– Верно, – Гомер выковырял из зуба кусок ежа, выплюнул, отбросил иголку. – Все совершенно верно. Если тебе дадут выбирать – совершить зло или сгинуть – выбирай сгинуть! Потому что потом поздно будет считать! Никаких примирений! Зло сюда пришло не примиряться, оно сюда за нами пришло. Чтобы всех уничтожить! А мы должны сами его истребить! Мы истребители! Тот, кто падет в бою за други своя, будет тут же зачислен в Облачный Полк! А это...

Гомер замолчал.

И посмотрел на Папу.

Мы тоже уставились на Папу.

Папа хрипел животом, извивался и пульсировал, лапа

крючилась, бешено скребя по полу клетки, глаза вылезли и, казалось, выставились на коротеньких палочках, шерсть поднялась дыбом, и Папа стал совсем как недавний еж.

– Жнец, – определил Гомер. – Две минуты. Отсчет.

Дальше я действовал по правилам, быстро и аккуратно. Снял с пояса кружку-термос, литр теплой воды с марганцовкой. Два широких глотка, два поворота влево, два вправо, три прискока, пальцы в глотку.

Жареный еж неопрятной дымящейся жижей вывалился на землю. Еще два глотка, и повторение процедуры. Все. Чист.

Ввернулся в рюкзак, приладил ремни. Карабин. Попрыгал, не звенит.

– Минута, – сказал Гомер.

Он поднял клетку с Папой и приладил ее поверх моего рюкзака, притянул веревками крест-накрест. Я попрыгал. Тихо.

– Сорок секунд.

Я застегивал последние пряжки комбинезона, а Гомер уже стоял передо мной, готовый и бодрый.

Мы бы успели. Если бы не Ной.

Ной, опустившись на четвереньки, пытался вывернуть желудок. Засунул себе в глотку почти руку, но ничего не получалось, его, Ноя, натура была слишком жадна и себялюбива, она не желала выпускать наружу уже захваченное мясо.

Я подскочил к Ною, схватил его поперек туловища и попытался надавить на живот, ничего не получилось, Ной

крякнул и обеда не выпустил.

– Двадцать секунд, – Гомер уже подпрыгивал, подгоняя детали.

– Не могу... – простонал Ной. – Не лезет...

– Так побежишь, – сказал я. – Растрясешься, сблеванешь через километр. Собирайся!

Я схватил рюкзак, надел на Ноя, затянул все ремни. Подсунул под них карабин, плотно, до приклада. Перехватил веревкой.

– Все, – сказал Гомер.

Мы должны были бежать. Есть твердое правило. Кто не успел – тот опоздал, опоздавших не ждут. Обычно опоздавшие погибают, но случается и по-другому. Смотря у кого какая воля к жизни. Я опаздывал два раза и пока себе вполне жив.

Гомер должен бежать первым. Но Гомер не побежал. Может, потому, что нас осталось всего лишь двое. Молодых. Он стал помогать мне собирать Ноя, и потратили на это еще почти тридцать секунд.

Когда мы двинулись, я уже слышал. Похрустывание, по-свистывание, перекатывание гаек, и тоненький, почти крысиный писк, все то, что сообщает о приближении жнеца.

Мы побежали. Сначала не быстро, разогревая связки, чтобы выйти на рабочий ритм где-то минут через пять. Шансы оставались, причем немалые.

Во-первых, нас трое. В одиночку очень сложно убежать

от жнеца. Страшно, а страх отбирает силы. И думать начинаешь, а тут думать совсем не надо, бежать и бежать.

Во-вторых, местность. Руины. Проросшие кустарником и кое-где деревьями. Жнецы не очень любят такое.

Я начал считать.

Вообще к нам жнецы редко заглядывают, может, раз в месяц. И мы уже знаем, как от них избавляться. Надо сразу в лабиринт, жнец там быстро путается, он по прямым любит, иногда наискосок. А тут, пока шли, уже четвертого встретили. От первого оторвались, от второго нет уже, Алекса догнал. И снова вот.

Жнец преследует ровно пятьдесят шесть минут, это давно замечено. Если цель переходит барьер в пятьдесят шесть минут, он отстает. Рассказывают поразительные вещи. Как жнец уже почти догонял человека, какие-то метры оставались, но тут наступала пятьдесят седьмая – и он сворачивал в сторону. Отставал. Причем навсегда. Запоминает, что это не цель, и если потом спасшегося встретит, то уже не нападает на него. Некоторые даже краску с собой носят – метить жнецов. Чтобы потом от знакомых уже не шараться.

Уходили. Ной первым, я за ним, Гомер последний, как полагается учителю. Старались выбирать места повлажнее, жнецы влагу не уважают. Не очень спешили, силы надо было рассчитывать на непредвиденные обстоятельства – вдруг еще какой поганец выскочит?

Жнец, само собой, не отставал и даже, напротив, прибли-

жался – я слышал его все отчетливей, стрекотанье это, пощелкивание железное. Но в этом ничего страшного, жнеца можно подпустить поближе, у него скорость всегда одинаковая, он в рывки не уходит, организация не такая.

Даже на видимость подпустили – я оглядывался и иногда замечал его среди деревьев, видел, как сверкала в дикой пляске черная смертельная сталь, противостоять которой не может ничто.

Жнец похож на...

Трудно сказать, на кого он похож. То ли круглый, то ли оранжевый. Да, вот так именно. Иногда они вроде как угловатые, а иногда как сдутые книзу мячи. Совершенно смертельные. Я видел, как двое спрятались в бронемашине, думали отсидеться, так жнец через эту бронемашину прорезался, как пуля сквозь бумагу. Гомер считал, что жнецы – это и есть Железная Саранча, неумолимая и посланная в устрашение. Это уж точно, неумолимости жнецу не занимать, ничем его не собьешь.

Мы бежали, и все было хорошо. Нормально. Дышали, местность благоприятствовала, руины пологие. Немного совсем оставалось по минутам, оторвались бы.

И тут еж. Еж, которого Ной не смог выблевать.

Ной спекся. Кровь прилила, ноги ослабели, я досчитал до двух тысяч трехсот восемнадцати. Я увидел, как он стал проседать, увидел, как он перепугался. Как зрачки расширились, и ужас в лице появился, какой только перед самой без-

надежной смертью приключается.

Гомер тоже заметил, наверное, еще раньше меня, он опытный человек был. Сверхдальновидный, ни одного такого в жизни не встречал.

Гомер все понял. Потом я думал – а что бы я сделал, если б догадался, что собирается предпринять Гомер?

Не знаю.

Я оглянулся.

Жнец был уже совсем недалеко. Двигался. Задевал сосны своими лезвиями, в разные стороны щепки летели.

– Вперед! – рыкнул я на Ноя, но он сдох уже совсем, стал отставать.

Это страшно. Когда тебя преследует жнец и когда тот, кто рядом, начинает отставать. Или подворачивает ногу. Ты смотришь на него и понимаешь, что все.

Смерть. Сделать ничего нельзя.

Сделать ничего было нельзя, Ной сдавал, смерть дышала ему в затылок. Я думал уже ускориться – не хотелось всего этого видеть...

И вдруг Гомер тоже стал отставать. Сразу и на несколько шагов. Я не понял, хотел притормозить, а Гомер улыбнулся. Подмигнул даже. И для меня прояснилось – он знает, что делать. Он всегда знал, именно поэтому он был нашим учителем.

– Прибавил! – я ткнул Ноя в шею. – Прибавил!

Ной все-таки прибавил, мы врезались в кусты, распугав

перепелок, и вылетели на дорогу. Асфальт. Довольно хорошо сохранившийся, даже с белыми полосами кое-где. Машин мало и распаханы по сторонам, середина дороги свободна.

Дорога, асфальт, опасная зона. Потому что по ней не удерешь – на ровных поверхностях жнец серьезно прибавляет в скорости. Дорогу следовало пересечь как можно быстрее, мы так и сделали, поперек, в канаву, потом вверх по насыпи.

Оглянулся. Гомер выскочил на дорогу. Гомер побежал по асфальту. На двух тысячах шестидесяти трех.

Ной пискнул что-то, но я треснул его по шее, и мы побежали дальше. Я считал. Лучше считать, чем думать о том, что случилось. Или вот-вот случится.

Выстрел. Он все-таки выстрелил.

Три четыреста двадцать. Я досчитал. На всякий случай досчитал до трех пятисот. И остановился. Приводил в порядок дыхание. Рядом в обнимку с осиной сидел Ной. Плакал.

Потом мы возвращались вдоль дороги по насыпи, не разговаривали, думали, что да как, спустились вниз. На асфальте четко виднелись следы жнеца. Царапины, проедины.

Торба, я ее первым увидел. Лежала на дороге одиноко.

Делили вещи.

Гомер – после рюкзака мы стали встречать Гомера.

Он лежал на дороге. В разных местах. То, что от него осталось. Мало осталось, жнец поработал, а потом еще зверье растащило. Так что непосредственно от Гомера остались

только высохшие красные лужи на асфальте и руки – они пропахли порохом, и зверье их есть не стало.

Ной поморщился.

– Чего морщишься? – спросил я. – Это все очень хорошо. Следы видишь?

Ной кивнул.

– Росомаха, кажется. Точно, росомаха...

– Вот видишь – росомаха, ничего поганого, чистый зверь. Гомер был бы доволен.

– Все равно...

– То, что его звери сожрали, – значит, что Гомер правильно прожил, – сказал я. – Хороший был человек, настоящий. Звери ведь всякую дрянь есть не станут. Ты видел когда-нибудь, чтобы они мреца жрали или кенгу?

Ной помотал головой.

– Запомни, – назидательно сказал я. – Это лишнее доказательство – Гомер прожил праведно. Настояще прожил, настояще умер. А мы его помнить будем.

Ной почесал нос. Кажется, он хотел заплакать.

– Не вздумай, – сказал я. – Чего ты плачешь? Наоборот, радоваться надо. Гомер уже на небе сейчас, там.

Я указал пальцем.

– Его уже в Облачный Полк, небось, записали, выдали паек и вечные заряды, все как полагается. Смотрит он на нас и дружеский привет посылает.

Сказал я, и как-то так сильно представил, как Гомер нам

посылает привет с облака, весь уже целый, а не по ошметкам, в блистающей стальной кольчуге, что не удержался и посмотрел наверх.

И Ной посмотрел.

Но там была только весенняя синева и редкие утренние тучки, пахло росой, новым днем, солнышком.

– Просто... жаль...

– Ничего и не жаль, – возразил я. – Я тебе говорю – Гомер правильно пожил, славно зачистил территорию, не у каждого так получается. Настоящий истребитель. Мы должны брать с него пример.

– А руки что? – Ной кивнул на руки.

– В каком смысле?

– Может, себе оставим? На память...

Идея мне понравилась. Я бы хотел иметь руку Гомера, наверняка она принесла бы мне удачу. Но в походных условиях это было затруднительно. И потом, руку сначала надо правильно приготовить – высушить, натереть можжевеловым маслом или другими какими растворами, – чтобы она быстро не испортилась. Высушить медленно. Не получится.

– Руки мы закопаем, – сказал я. – Зальем их маслом и спрячем. На обратном пути заберем, а когда к себе вернемся, то там их сделаем реликвией. А пока пусть полежат.

Я взял руки и понес. По дороге, уже не таясь, не очень выбирая направление, до первого грузовика. Ной залез под него, но масла не нашлось, и нам пришлось дойти до третье-

го. Я вырезал из фургона брезент, свернул из него кулек, затянул проволокой, положил внутрь руки. Ной добыл масла, и мы залили руки, и спрятали их под кривым запоминающимся деревом. На всякий случай я вырубил топором на дереве заметную букву Г. Наступит время, и мы сюда вернемся. Похороним Гомера, поставим памятник, великим людям всегда надо ставить памятники, а Гомер – единственный великий человек, которого я знал.

Вернемся обязательно.

Потом мы возвращались. Шагали вдоль дороги, петляли, путая следы. Ной молчал. И я молчал, потому что говорить ничего не хотелось, все уже сказали. Мне уши ему отрезать хотелось, и Ной это понимал.

Потом Ной все-таки стал хлюпать, ныть и истекать соплями, но я не собирался его утешать. Шагали до темноты, спускались к югу, даже на ужин не остановились, хватит уже, наобедались.

А потом стемнело, пора было закапываться, но я увидел подходящие трубы, сваленные в гору. Трубы проросли травой и мелкими деревцами, я обошел вокруг. Залиты нефтью или какой-то черной дрянью, на которой не выросла трава, видимо, из-за этой черноты сюда никакая погань не сунулась. Во всяком случае, следов я не заметил.

Залезли в трубу, еле втиснулись, но и жнец не залезет, больше всего его боялись. Хотя так редко бывает, чтобы жнец в один день сразу двоих убил. Но на всякий случай я

выставил в трубу оба наших карабина. Если кто сунется...

Да и не сунется, я накапал вокруг скунса, эту вонь мало кто может вынести.

Но все равно не спали. Я все думал о том, что нам делать дальше, а Ной вместо плача громко дышал ртом.

Наступила ночь, звезды выставились, и мы с Ноем остались совсем одни. Ной все хлюпал и хлюпал, и в темноте это слышалось совсем уж громко.

Хотел повспоминать Гомера, но он не вспоминался, потому что я его не успел еще хорошенько забыть, да и поверить до конца не мог.

Думал, что дальше делать. Весь отряд погиб, от Ноя пользы ждать не следовало. Невест не добыли. Смысла возвращаться без невест я не видел. Значит, поход следовало продолжать. К тому же мы почти уже добрались. Судя по указателям на шоссе, до города оставалось совсем немного. Восемнадцать километров. День пути, а там посмотрим.

Так и не уснул.

Глава 2

СЫТЬ

Когда все закончилось, Гомер собрал оставшихся на вече. Восемнадцать человек. Утром. Город тонул в тумане, мы сидели на крыше и смотрели вниз. На кладбище. Оно не просматривалось через туманное молоко, но оно было там, я даже это как-то чувствовал.

Гомер всегда говорил, своих нужно хоронить. Для поддержания человечности. Если, конечно, остается, что хоронить, руки, например. Мы хоронили. После сыти, кстати, как раз руки и остаются. Пальцы особенно. Десять пальцев. Был человек, бегал, пчел выслеживал, мречь зачищал, а осталось десять пальцев. Эти самые пальцы мы складывали в бутылки и хоронили. Там клумба как раз раньше помещалась, цветочки желтенькие, вроде тюльпаны как. В эти тюльпаны мы народ и хоронили, с табличками, как полагалось совсем.

Весной нас было двести девять. Сто восемьдесят три мужчины и двадцать шесть женщин, включая Старую Шуру. Почти сорок ей, Шуре, могучая, в прошлом году лося убила и сама приволокла. Мы были самым крупным кланом на севере и собирались прирастать. Осенью, после урожая и хорошей охоты.

Старая Шура выжила. Из-за организма. Не взяла ее сыть,

побила уши, на лице ямки – все, остановилась. Кроме Шуры из женщин больше никого. Остальные мужчины. Не все крепкие, но сыть не дожевала.

Сыть занесли с востока. Отправились туда за черной смолой, вернулись все живые, повезло, редко так. Смолы набрали, хорошо. Заразу приволокли только. Мы так и не узнали, где они вляпались, наверное, это Джохан, он всегда во что-то влезал. Во всяком случае, уши у него у первого отвалились. Но он хитростью отличался, уши сжег тайно, под покровом глубокой ночи, а сам в шлеме кожаном ходил, а из-под него ничего и не видно. А потом, я как сейчас помню, утром одним, вылез Джохан к котлу за полбой, голодный, ложкой по миске стучит, улыбается, а через щеку зубы видно – за ночь проело.

Спохватились, забегали, да поздно – за ушами загнило уже почти у половины. Сыть неизлечима, это известно. Гомер, конечно же, пытался, он никогда не отступал. И пороховой настойкой, и уайтспиритом, и хирургией – уши отрезал, язвы фосфором присыпал, а не помогло.

Все сгнили, много-много. Только пальцы остались да ногти. Пальцы в бутылки складывали и сверху битумом запечатывали, и на полку, а ногти расти продолжали. Лежат себе в бутылках, растут, зрелище, однако, жуткое, а Ной врал, что они скреблись там даже, по ночам.

Восемнадцать человек выжили, Гомер собрал нас на крыше. А станицу сжег. Все-все сжег, ничего не осталось, лес

вокруг – и тот сжег. Имущества у нас никакого не осталось, только оружие да собственные вещи. Мы торчали на крыше и смотрели вокруг. Город заливал туман, из которого кое-где выступали крыши, на многих росли деревья, лес продолжал захватывать мир. Над тем местом, где располагалась станция, поднимался слоистый черный дым, похожий на призрак. Мне было грустно, я успел привыкнуть к станции, трудно терять дом. Я думаю, все чувствовали приблизительно то же, многие старались на этот дым вообще не смотреть.

– Погибли все женщины, – сказал Гомер. – Это конец.

Старая Шура хмукнула, дала понять, что женщины погибли далеко не все, но Гомер на это внимания не обратил.

– Погибли все женщины, – повторил он. – А без них никакой клан существовать не может, сами знаете.

Это точно. Девочек рождается вообще гораздо меньше, чем мальчиков, и ценятся они выше. Девочек берегут, защищают, а когда клан входит в силу, у соседей отвоевывают. Ну, или меняют на что-нибудь полезное, на коз, например.

Гомер говорил, что тут все дело в природе, она сама знает. Мальчики гораздо больше расходуются – на охоте, в походах, в стычках с соседними кланами, до тринадцати лет один из десяти, наверное, доживает. А до двадцати и того меньше. Клан, у которого нет женщин, будущего не имеет.

– Нам нужны невесты, – сказал Гомер. – Надо найти. Хотя бы... несколько.

Мы все промолчали. Найти невест. Это сказать только

легко, а так... Где их найдешь?

– Есть другой путь, – Гомер поморщился. – Можно разойтись.

Все переглянулись.

– Я буду откровенен, – продолжал Гомер. – Разойтись – это шанс. Мелкие группы в свободном походе могут выжить. Если в отряде больше четырех человек, то для выживания ему требуется станица. Мы можем разделиться на шесть-семь отрядов и разойтись.

Гомер поглядел на дым.

– Но это путь в тупик, – сказал Гомер. – Надо держаться вместе, люди поодиночке не живут – выживают. Только вместе, кланом. Лишь клан может защитить человека от зла, лишь клан может бороться со злом по-настоящему.

Клан, ну, то, что от него осталось, вздохнул.

– Я понимаю, о чем ваши мысли, – Гомер кивнул. – Вы хотите спросить, почему это произошло с нами? Это испытание. Мы жили давно. Мы боролись с поганством и побеждали... Возможно, мы впали в гордыню. И нам послали испытание. Чтобы проверить.

Дым уже совсем растворился в утреннем свете, стал похож на зловещий череп со скошенной челюстью.

Испытание. Давно мы уже жили, и у нас все время случались какие-то испытания. То зима холодная, то лето жаркое, то лемминг уродится, жрет все подряд, а то и ураган снесет кладбище какое – а мы потом ползимы мречь по кордонам

отстреливаем. Или голод вот еще, тоже бывает. Попадет в погребка плесень, протравит запасы, сидим потом в землянках, кипяток на хвое настаиваем, пьем. Но все равно станица у нас хорошая, закордонено все накрепко.

С одной стороны болота, а в них торф горит, подземные ямы образывает. Сверху вроде земля как земля, даже мшанка, а ступишь – и все, ничего не спасет, подумать не успеваешь.

С другой стороны еще удачнее, лес. Он сначала выгорел, затем ветром его в разные стороны повалило – не проскребешься. Жнец не поскачет, мрец не пролезет, а чтобы всякая мелкая погань не покушалась, мы там еще шиповника насажали вперемешку с чертополохом.

Третья сторона, правда, открыта, лес там тоже рос, но не густой, а прогулочный, парк вроде. Тут пройти, конечно, легче, но лучше даже и не пробовать. Заминировано. Всякие мины, и большие, и маленькие, и такие, что жнеца могут подорвать. И ям мы там волчьих нарыли. И капканов поставили. И проволоки колючей напутали.

Так что тихо, спокойно. Иногда, конечно, что-нибудь да прорвется, но дозорные ведь тоже не балалайничают...

Не помогло. Сыть растяжкой не остановишь, сыть... Женщины, кстати, последними погибли, выносливость у них сильнее развита.

– Мы должны выстоять, – сказал Гомер. – Перенести трудности с достоинством. А для этого нам нужны невесты.

– И как мы их раздобудем? – спросил Фет.

– Поменяем, – сказал негромко Гомер.

– На что мы их поменяем? – пробурчал Михал. – Все стогрело, ничего не сбереглось...

Остальные согласно замычали. Правильно, конечно. На что сейчас невесту выменяешь? Меньше коровы не попросят или коз несколько. Или добра. А нет ничего, ни коров, ни добра.

– У меня есть порох.

Кто-то присвистнул. Порох – ценный продукт. Старого пороха вообще не осталось, новый варим сами, не очень хороший, дымит, осекается. Патроны приходится перезаряжать. На порох можно поменять, наверное, даже невесту.

– Три банки, – уточнил Гомер.

– На одну бабу хватит, – ухмыльнулся Михал. – Как делить будем?

– Сначала добудем.

– И где мы их добудем? – осторожно поинтересовался Гаврик.

Осторожно очень так.

– Возле Кольца.

Теперь уже выдохнули. А мне неприятно стало, в животе червячок повернулся. На моей памяти к Кольцу ходили два раза. Первый раз за оружием, я еще маленький был, меньше колеса, но помню. Потому что тогда в поход отправился мой отец. И Гомер. И еще какие-то другие люди, все моло-

дые. Отец дал мне рябиновую пастилу и сказал, что принесет винтовку с оптическим прицелом и золотистые патроны. Их было шестеро тоже. Вернулись двое, Гомер и еще один парень. С оружием. Нарвались на шейкеров, трое погибли сразу, а мой отец отстреливался долго, почти час, а потом подорвался на гранате. Чтобы не доставаться. Тогда Гомер подарил мне карабин. Сказал, что он еще лучше винтовки, и стал учить. Как правильно настроиться, как прочесть нужный тропарь, как не бояться и жить в правде, как стрелять без промаха – попадать в летящую стрекозу.

Когда мне исполнилось двенадцать, ходили к Кольцу во второй раз. За козлом. Коз держали, а козла не было, а какой толк от коз без козла? Ходили на север, но там своих козлов мало, тогда Гомер, который стал старшим, сказал, что у Кольца можно найти все, что угодно, а козлов там изобилие. Я к тому времени уже хорошо стрелял и вызвался, рост только вот помешал – все еще ниже колеса. Меня не взяли, и из шестерых в тот раз вернулись уже трое. С козлом. Рассказывали, как тащили этого козла, как он брыкался и вредничал, кусался и сыпал пометом, как наткнулись на жнеца и Гомер взвалил козла на плечи, бежал с ним почти час.

Козел на самом деле оказался превредный.

И вонял. Козлиный дух стоял над станицей, нарушал аппетит и привлекал волкеров – каждый день парочка попадала в капканы и подрывалась на минах, остальные же гадко выли издалека. В конце концов Гомер придумал мудрое –

велел собрать клетку – примерно как у Папы, только больше, посадил в нее козла и привесил к сосне, ввысь поднял. Так что вонь теперь распространялась над и людей не задевала. А козел умудрился и сверху гадить. Мочился на проходящих и мерзко блял, привлекая ненужную погань. Пришлось его спустить и хорошенько поучить хворостиной. Помогло, но ненадолго. А потом этого козла волкер все-таки уволок, один поводок остался и рога.

– Там, – Гомер указал пальцем в сторону юга. – Там территория вечного зла. Земля боли, разодранная на кровоточащие куски безжалостными бандами и адскими культами. Сатанисты, маньяки и людоеды, погань и перхоть, восставшая из ада. Поклоняются демонам, вершат жертвоприношения, только и ждут, чтобы вырвать из твоей груди сердце и скормить его своим тварям.

– А праведники? – спросил кто-то. – Праведники там есть?

– Разумеется, – вздохнул Гомер. – Господь не оставит землю свою без держания. Есть там и праведники. Но очень мало. Ибо тяжело поддерживать свет Добра среди праха и в терниях. Праведники там стонут под пятой падших. И только и думают, как бы спасти своих дочерей из ада.

Я подумал, что Гомер, наверное, несколько преувеличивает. Может, они там, конечно, и стонут, но чтобы отдавать своих девчонок... Они что, дураки совсем? Наоборот, беречь их надо. Я бы и за порох не отдал. За весь. И за корову,

наверное, тоже.

– А как? – спросил Ной. – Как же нам отличить праведника от поганого?

– По делам, – Гомер знал ответы на разные вопросы, это мне в нем очень нравилось. – По делам их отличите. Праведник никогда в вас не будет стрелять. Праведник вас никогда не обманет. Праведник никогда не бранится черным словом. Так что вы легко отличите чистое от поганого. И если видите поганое – то не размышляйте – или стреляйте, или бегите. Остальное узнаете по пути. Кто со мной – шаг вперед. Мы вернемся и начнем новую жизнь.

Вперед шагнули шестеро. Всего. И Старая Шура. Остальные молчали и глядели в сторону.

Шестеро, от пятнадцати до восемнадцати, если не считать Гомера, конечно.

Старую Шуру мы, конечно, не взяли.

Глава 3

Дмитровское шоссе

Проснулся рано, проверил карабин, порядок. Прочитал Пробудительный тропарь.

Мне он особо нравится – прочитаешь его, раз – и сразу сил прибавляется, только читать надо *особо*, как бы внутренне подпрыгивая. Хотя, конечно, непонятно в нем много – например, мрецы в норах не живут, а ведьмы никак уж в коже-ре не прячутся. Я тогда у Гомера про это спросил, а он покраснел вдруг так, и сказал, что у искусства свои законы, и вообще, надо не спрашивать, а верить и заучивать наизусть, и вообще он лучше знает. А у меня память хорошая, я все двенадцать тропарей еще в пять лет запомнил, сам даже потом мелких учил.

Вот и сейчас. Тоже. Прочитал, как бы внутренне подпрыгивая, настроение сразу увеличилось, захотелось немедленно, вот прямо тут кого-нибудь поганого успокоить. Но я не торопился, прислушался. Все вроде как надо. Сердце ровное, секреция в норме. Пальцы чешутся. На правой.

Посмотрел.

Наросла кожа. На безымянном, среднем и указательном. Нехорошо. Вынул скребок, принялся сдирать. Пальцы должны оставаться чувствительными – а как еще стрелять-то? По-

казалась кровь, остановился. Хватит, когда назреет новая тоненькая кожа, я буду чувствовать спусковой крючок тонко, стачивать пальцы – это такой старинный обычай у всех настоящих стрелков. Для проверки взвел курок и немножко погладил крючок, он играл под пальцем, механизм был уравновешен и настроен идеально. И смазан – настоящим самолетным жиром, нежным и прозрачным.

Карабин пребывал в порядке и готовности, я выглянул наружу.

Уже было видно солнце, оно висело в белесой небесной мгле и выглядело чумазым, с левого края темнела видимая заедина, отчего казалось, что солнце ухмыляется, смешно ему, как мы тут выворачиваемся, а вообще плохая примета.

Протер глаза.

Ничего, нормально, жрать хочется. Оставались сушеные караси и немного морковных корней, но я решил оставить их на случай непредвиденных обстоятельств.

Выбрался, огляделся, послушал воздух. Вокруг все вроде спокойно, чуть вдалеке и вправо старые, проржавевшие до широких дыр вагоны, еще правее вышка. Люди раньше любили вышки ставить, Гомер говорил, что через них связь осуществлялась. Хорошая вышка, метров, наверное, сто в высоту, поросла каким-то мхом, наклонилась и походила на заскорузлейший ведьмин палец. Слева холмы, на них поломанные, как зубы, стены. Подсолнухами поросли. Спокойно вроде. Утром всегда спокойно, поганство после ночи отдыхает

в логах, поэтому после восхода некоторое время можно чувствовать себя в безопасности. Ну, разве что жнец пробежит, но от жнеца в дупло не спрячешься.

– Ной, – позвал я.

– Ну...

Показался Ной. Заспанный развинченный, я удивляюсь, как он вообще до сих пор жив. Столько народу перемерло, а он ничего. Наверное, тоже праведник.

– Сиди здесь, – велел я. – Карабин проверь. И жди меня, я за пожрать схожу. Понял?

– Ну...

Ной принялся отряхиваться от налипшей за ночь разности, от пластмассовых пузырьков, бутылок, прелых веревок, даже парочка мышей, пригревшихся ночью, из него вывалились. Я отправился к подсолнухам. Холмы, цветы, в таких местах всегда с едой легко. Тетерки-перепелки, а повезет, так и змею витаминную зацепишь – потом неделю можно не есть – и все время бодрый и радостный дню.

Путешествовал я по неглубокой траве и как раз думал про такую вот змею, но встретил кролика. Возле холма, видимо, тут у них как раз гнездовище подземное. Кролик занимался своими травяными делами, рылся, шевелился и горя себе не знал, по поводу утра пребывал в беспечности. Я приблизился на достаточное расстояние и коротким движением метнул колотушку.

Колотушка – первое оружие, которому обучается человек.

С восьми лет. С обеих рук. Кидать надо предплечьем, резко.

Кролик ничего, конечно, не заметил. Брыцк – и готов, упал. Лежал, белый на зеленом.

Я поглядел в небо – нет ли кречета или сокола – они любители перехватывать добычу. Но небо было чисто, воздушные хищники не разогрели еще свои сердца. Кролика требовалось подобрать, я сделал движение... и остановился.

Ужин лежал совсем недалеко, метрах в десяти всего лишь, протяни руку. Не знаю уж почему, но я продолжал стоять. Кролик показался мне слишком белым. Нет, белые кролики встречаются, это не редкость, их много. Но этот кролик выглядел уж как-то очень бело, как самый первый утренний снег, не испорченный следами.

Я стоял и смотрел. Минут десять, не меньше, так что даже подтянулся Ной.

– Что там? – спросил он. – Бобра убил?

– Не... Кролика вот.

– А чего не берешь? Жрать охота, пожарили бы, вона какой жирный...

Ной облизнулся и шагнул к кролику.

Я поймал его за шиворот, оттащил назад.

– Ты чего? – удивился Ной. – Жрать охота...

– Тебе бы все жрать! – прошипел я. – Уже все прожрал.

– Можно подумать, ты не жрешь, – обиделся Ной. – Кролик большой, в нем мяса, наверное, килограмма два! Чего боишься-то?

– Мухи не садятся, – сказал я.

– Что?

– Мухи не садятся. Кролик мертвый, лежит, кровит, а мухи не садятся.

Я сунул Ною трубу, Ной смотрел долго.

– Да, не садятся. И что?

Я покачал головой.

– Что, не понимаю?

– Тут много мух. Вот на тебе даже мухи есть.

– Нет на мне мух! – огрызнулся Ной.

– На тебе есть, потому что ты воняешь. И на кролике должны. Мухи чувят. А нет их. Почему?

Ной злобно плюнул.

– Почему-почему, я тебе могу тысячу причин назвать почему! Может, этот твой кролик в газойль вляпался. Или еще куда. Знаешь, муха не на каждого ведь еще и ползет...

– Это точно. Но не знаю... Кругом полно всякого зверья голодного, а никто пока не явился. Подозрительно.

Ной недовольно пнул землю.

– Давай решай скорей – подозрительно – не подозрительно. Или берем, или уходим. Вон вышка как ведьмин палец совсем, грибов накопать, туда пойдем.

Я кивнул. Под ведьмиными пальцами грибы на самом деле растут. С помощью Папы можно найти, у него нюх хороший.

– Ладно, пойдем, – сказал я.

– А колотушка?

– А, – махнул я рукой, – другую вырежу. Или...

– Давай Папу попробуем, – предложил Ной. – Привяжем к веревке и туда кинем. Посмотрим.

– Я тебя лучше кину! – разозлился я.

Хотя идея была неплохая. Папа чует, пусть кролика прочует. Я взял у Ноя клетку с Папой и направил его в сторону кролика.

Папа сидел спокойно. Ворочал глазами, нюхал воздух, шевелил лапой. Никакого беспокойства не проявлял, сидел себе, фырчал, дышал.

– Вот видишь, – сказал Ной. – Кролик как кролик...

Кролик поднялся. Сначала сел, потом принялся мелко прыгать.

– Да... – ухмыльнулся Ной. – Рука не тверда, да? Промазал.

– Я не промазал, – сказал я. – Никогда не мажу.

На самом деле не промазал ведь я, слышал, как колотушка его по башке стукнула. Наверное, оглушил только.

– Ну-ка... – Ной снял с плеча карабин. – Сейчас я...

Ной быстро прицелился, выстрелил. И это по кролику-то. Пулей. Дурак все-таки.

Кролика разорвало на две части. Белые комки разлетелись далеко друг от друга, Ной радостно вскрикнул, порадовался удачному выстрелу. Хотел рвануть вперед, я его снова удержал.

– Презарядись, – велел я.

Ной принялся медленно – на пять секунд дольше, чем я, – и неумело – руки дрожали – заряжать. Я смотрел на кролика, неприятное чувство не отпускало.

Кровь. Совсем никакой крови. Белая шерсть. И все.

А потом...

– Ах ты... – ругнулся Ной. – Вот погань...

Кролик полз. Задняя часть. Медленно, еле-еле. Ползла к передней.

– Уходим, – я тоже сдернул карабин.

Ной уже пятился. Я глядел на Папу – спокоен, вроде дремлет. А кролик сползается. Разрубленный пулей кролик сползался, я такого никогда не видел. Погань. Настоящая погань, наваждение.

Я испугался. Вот сползется, срастется – и случится что-то страшное. Обязательно. С неба протечет кровь, земля же непременно разверзнется и выплеснутся всякие уроды, мрецы и прочее вурдалачье растрепанное, и все провалится и рассыплется.

– Что это? – прошептал Ной.

Я выстрелил. Половинка кролика отлетела в подсолнухи. Презарядил карабин. Стали отступать, стараясь держаться к востоку, что было нелегко – началась трудная местность – вросшие в землю вагоны и железные бочки, и вообще много железа, превращенного в настоящий лабиринт. Иногда встречались автомобили, и я на всякий случай для интереса

проверял аккумуляторы. Нигде не было целых, пригородные банды все уже давно расковыряли и расплавили, ничего не осталось. Потом началась сгоревшая земля, в которой очень сильно разрослась волчанка, и все вокруг было синее и нарядное, даже жить захотелось.

Волчанка – очень полезное растение. Если много собрать, высушить и выварить, то можно сделать отличное противоядие против мреца, например. То есть если мрец тебя покушает и ты быстро выпьешь противоядие, то можешь и не заразиться. У нас она мало растет. Гомер даже думал как-то собрать семян волчанки и рассадить ее вокруг нашей станицы.

Я достал карту и отметил полезное место. На всякий случай.

– Может, останемся? – предложил Ной. – Поживем, пособираем. Наварим микстуры, а?

– Нет, пойдем дальше. Тут лучше не останавливаться.

– Почему?

– Так. Подозревается что-то.

– Ну да ладно. Слушай, а что это там? Что за погань-то? Никогда такого не видел... Кролик, он как приманка, что ли? За кроликом полезем, а оно нас и цап...

– Зверобой, может, – предположил я.

– Не, – помотал головой Ной. – Зверобой не такой...

Я и сам прекрасно знал, что зверобой не такой. Зверобой я однажды видел, далеко, на севере. Золотой корень как раз

искали, на Дальних Озерах. Шли по лесу и вдруг увидели. То есть сначала почувствовали. Вонь. Такая сильная, что глаза зачесались. Думали, что скунс там сдох, обрадовались –дохлый скунс – это клад вообще, но как поближе подошли и увидели, что не скунс. Поляна, копытце, только вогнутое чуть внутрь, как муравьиный лев делает, только большой совсем. Но не лев, там вокруг твари разные лежали, ближе к центру коровья порода, лось, козы, косули, кенга, а потом уже вперемешку, и волкер, и медведка, и пара росомах. Все дохлые, но совсем необъеденные, протухшие только. Зверобой. Папа был тогда еще совсем маленьким, забился в клетке, а мы поспешили подальше.

Зверобой точно не такой.

– Это людобой какой-то, – сказал я. – Такого не видел.

Пойдем.

Через час остановились. На насыпи. Крутой и высокой. Когда-то по ней тянулись рельсы и туда-сюда ездили поезда, а сейчас рельсы вспучились и выгнулись вверх, это потому что летом жарко – зимой холодно, теперь висели в метре над землей. А то и выше. Очень хотелось по рельсам, но это опасно, вообще надо держаться поближе к земле и останешься цел.

Солнце возвысилось до полудня. Достал по карасю, и Папе одного, стали есть, потом воду пили с солью. После обеда Ной разделся, достал пороховую настойку и принялся осматривать вериги.

У него все время что-то воспаляется. Зажимы всегда гноятся, ему Коваль даже серебряные сделал – для антисептики, – но не помогло. И зажимы-то слабые, но все равно. Гниет. Вот и сейчас, снял куртку, рубашку крапивную засучил до пояса, вериги показались. Простые такие, детские, струбцинки обычные, винтовые, все регулируется, не то что мои пружинные – раз и сразу до крови. Но Ною и винтовые не в корм, здоровье наследственно ослаблено.

Вериги убрал. Кожа под ними была красная, а под одной совсем нехорошая, белая и протухшая.

– Мерзко, – сказал Ной и поежился.

На самом деле мерзко. У меня как-то тоже воспалялось, правда, пятка, не верига, ходил с трудностью. Гомер тогда мне пятку разрезал и все вычистил, потом бегал как новенький. Тут тоже надо. Резать. Или жечь.

– Жечь надо.

Ной поморщился.

– Надо.

Я достал рожок.

Вообще, в веригах сплошные достоинства. Во-первых, повышается болевой порог, во-вторых, вырабатывается суровость характера, в-третьих, укрепляется иммунитет, в-четвертых, учишься спать неподвижно, как бревно, – чтобы не уколоться, в-пятых, смиряется дух... Одним словом, без вериг тяжело, человек вырастает неженкой и плохо противостоит трудностям мира.

У меня вот их три – две на левом боку – плоские, пружинные крабы, и одна в треугольной мышце, булавчатая, каждое движение левым плечом отдается, уже несильно, я уже почти привык. Гомер, тот вообще проволокой колючей опутывался, специальной такой, нержавеющей. В пять витков, а иногда, для повышенного смирения, и в семь.

– Без вериг в жизни – что в походе без блохоловки, – говорил Гомер, стягиваясь своей проволокой.

Это точно, без блохоловки в походе трудно. Спишь то в земле, то на земле, налезает. Дома, конечно, циклоном протравишься – красота, а в дороге... Я как-то спросил Гомера – а может, мы зря с блохами боремся? Они ведь тоже, как вериги, только маленькие, кусают, боль причиняют.

Блохи – не есть ущемление, ответил Гомер, блохи – всего лишь нечистота телесная. А где нечистота телесная, там рано или поздно и душевная нечистота заводится, грязь преклоняется к грязи. К тому же блохи на мрецах базируются, переносчики вредных инфекций, посему с ними надлежит неукоснительно бороться.

– Надо прижечь. Кусай руку.

Ной вцепился в ладонь.

Белая кожа сгорела, Ной зашипел. У меня в рюкзаке оставался золотой корень, я сунул ему.

– Жуй.

Ной стал жевать.

– Хорошенько разжевывай, а то не подействует.

Оставалась еще смола, для самых важных ран, несколько тюбиков, я размял смолу, затем разжевал, приложил к обо-
жженному мясу, притянул тряпкой.

– Дальше.

Мы двинулись вдоль насыпи, но через километр Ной по-
бледнел и сел. Его трясло. Он стучал зубами так громко, что
я решил отдохнуть, поспать. Вернее, даже не поспать, а ото-
спаться как следует. Досыта. Во сне организм лечит все недуги,
сопротивляется. Когда нет нормальных лекарств, следует
спать. И пить воду. И есть.

Я вытащил карася, дал Ною. И флягу тоже.

– Жуй.

Он принялся жевать. Я стал копать колыбели. Под насы-
пью, между кочек. Земля была мягкая, но упорная, я преодо-
левал ее с трудом. На колыбели ушло почти два часа, долго.
Я сунул Ноя в яму, отдал свою подстилку.

– Спи, – сказал я. – Утром будешь новеньким.

Вытянул шнорхель, замаскировал в кочке.

Затем закопался сам. Я себя тоже не очень чувствовал.
Страшновато: так далеко забрались, до самого города. До са-
мого Кольца почти. Одиноко. Оторванно. Но я не могу долго
думать о неприятном, у меня в голове все бороздки прямые.
Я уснул, и мне приснился Гомер. Он сидел возле костра и
молчал, а потом у него вдруг отвалились руки, и он стал их
с грустью рассматривать.

Откапываться всегда тяжело. Просыпаешься в полной

темноте. К утру земля почти всегда оседает, и на тебя наваливается тяжесть, на грудь, на живот, дышать становится тяжело, заглядывают пугающие сны. Вообще, устроить колыбель правильно – искусство, сколько народу погибло, задохнувшись во сне, скольких волкеры отрыли...

Я год учился правильно колыбель копать, вокруг нашей станицы все окрестности перекопаны. Как над нами Гомер только не издевался. Копали колыбели одной рукой, с завязанными глазами, конечно, копали, чуть ли не зубами их копали. Научились. Все-таки Гомер великим человеком был, никто с ним не сравнится. И так глупо умер. Хотя почему глупо, наоборот. Он учителем был. И умер, спасая своих учеников. Наоборот, здорово. Принял решение за несколько секунд, оставался тверд до конца. Настоящий праведник из праведников, вечная ему память, такого в Облачном Полку сразу в стратиги производят.

Дышать стало тяжело, Папа приглушенно пыхтел – верный признак, утро. Я перевернулся на живот, уперся руками и стал подниматься. Земля неохотно поддавалась, но я был силен и выбрался на поверхность. Огляделся. Все спокойно, туман, необычного такого желтого цвета, переваливался через насыпь как живой.

Стал откапывать Ноя. Он лежал нехорошо, на животе, перевернул. Ной был жив. Спал. Похрапывал. Я побрызгал на него водой, Ной открыл глаза.

– Чего?

– Пора.

Ной вылез из колыбели, проверил ожог. Рана подсохла, неприятная краснота вокруг рассосалась.

– Идем.

Ной что-то пискнул о сушеной рыбе и о необходимости хорошего питания в походе, но я его не стал слушать. Стоило поторопиться, Гомер говорил, что вся торговля начинается с утра, менялы, бартерологи и трейдеры, они слонялись вдоль Кольца и предлагали свой товар по утрам. Товар они брали за дорогой, а по эту сторону сбывали его с интересом. С той стороны поступало оружие, старые лекарства, сахар, разные полезные мелочи, с этой еда. Гомер говорил, там, за Кольцом, всегда с едой плохо, так плохо, что иногда тамошние жители даже землю жареную едят. А иногда торговцы торговали невестами. Ну, это так называлось, что торговали – на самом деле девчонки сами хотели оттуда по-быстрому убраться, потому что там с женихами туго, а те, что есть, неспособны к жениховству из-за воздуха. Так что торговцы на самом деле только помогают познакомиться, все по-человечески, без нарушений.

Мы шагали по насыпи, через туман. У меня было странное чувство, казалось, в жизни начинается что-то новое и большое. Наверное, это из-за того, что я приближался к городу. От городов, даже небольших, такое случается. Наверное, там действительно какие-то ненормальности с воздухом. А этот город и вообще большой.

Потянуло запахом с окрестного болота, ветерок разогнал поверху мглу, и я сказал:

– Пришли.

– Что? – вздрогнул Ной.

– Смотри, – я указал.

Из тумана торчали крыши зданий, небольшие вышки и одна большая. Она поднималась из тумана и была похожа на шприц, втыкающийся в небо. Возле шпиля околачивались мрачные облака, казалось, что они болтаются на невидимых нитках.

– Это самое высокое место в мире, – сказал я. – Вышка. Оттуда видно все. Даже то, что Земля круглая, видно.

– Мы туда?

– Туда не пройти, – сказал я. – Там Дорога Птиц, через нее живому нет пути. Будем ждать, тут торговцы часто появляются. Они вокруг ходят, меняются. Мы тоже поменяемся. Тут недалеко уже...

– А как торговцы проходят? – спросил Ной.

– Не знаю. Они пронырливы очень, вот и проныривают где-то.

Мы постояли немного и двинулись к югу, через полчаса набрали на столбик с цифрами, а затем уже и на дорогу.

Дорога оказалась весьма и весьма удачная – весь асфальт расколот на большие неровные куски, жнецу по такой дороге трудно, а нам ничего.

Продвигались спокойно, потом началась какая-то ерунда

– блестящие тележки с колесами, много, в некоторых еще барахло сохранилось, тряпки, банки консервные, травой поганой проросло. Пробираться через это железо было тяжело, и мы сошли в сторону, вдоль брели, по канаве. Хляби опять начались, и пришлось снова на дорогу.

Местность постепенно менялась. Лес другой. Не знаю как, но лес другой сделался. Мертвый. Ненастоящий. Обычно то птички поют, то кузнечик стрекочет, мертвяки там хрустят или еще какой звук дребезжит. И движение. Все время движется что-то, мелькает на фоне, туда-сюда, макаки по соснам прыгают. А тут ни звука, ни движухи, даже листья не падают. Страшно, неприятно, все время слушаешь и глазами шевелишь. И дома. Высокие, и растут прямо из леса. Кроме домов вышки, вышки, вышки, железные, на рогатки похожие, и усы с них свисают, во люди раньше были...

Километра четыре шагали, затем увидели.

Над дорогой на ржавых решетчатых фермах крепился широкий железный щит. На нем блестящими белыми буквами было написано:

Дмитровское шоссе. МКАД, 0.5 км.

Под щитом на длинной веревке болталось что-то непонятное, мне показалось, что змея. Вытянутое что-то, от щита до земли почти. И покачивалось так на ветерке.

Остановились.

– Что за погань? – спросил Ной.

– Не знаю...

Вряд ли животное, зачем его вешать, стараться? Значит, человек.

– Живым повесили, – сказал Ной. – Долго висел, вертелся, оттого и вытянулся.

– Не протух почему-то, – сказал я.

– Ядовитый, наверное, вот и засолился. Зачем его повесили-то?

Я пожал плечами. Просто повесили. Хотя я не стал бы стараться – лезть на щит, веревку, много возни. Мы немного подумали, что следует делать, и решили продвигаться дальше, через пятьсот отмеренных поняли, что этот повешенный значил.

Увидели Птичий Путь. Дорога пробегала чуть вниз, широкая, с разделителем посередине. Машины. Ржавые, смятые, разорванные, некоторые приплюснутые, большие и маленькие, разные совершенно. Опасно она не выглядела, но я знал, что это совсем не так. Единственная дорога, которую нельзя пересечь.

– И что? – с разочарованием спросил Ной.

Я его вполне понимал. Я сам ожидал увидеть здесь что-нибудь необычное, такое... Не знаю какое. Гомер говорил, что дома здесь должны быть до неба и стекла целые, много целых стекол. Деревьев никаких. Все блестит. Полно погани. То есть куда ни посмотри – везде одна погань. И на каждом шагу хмари. И хляби. И даже в воздухе хмари. В стенах домов. Настоящий ад. А здесь все...

Скучно. Хотя, может, так оно и есть, ад – это скука.

– Это и есть... – Ной кивнул на дорогу.

– МКАД, – сказал я. – Это он, Путь Птиц.

– И куда теперь? Где эти торговцы? Где невесты?

– Ждать. Они сами приходят. Надо только местечко най-

ти...

Рядом располагался дом. То есть скелет дома, его построили, а стены нет. Мы поднялись на второй уровень. Там оказался настоящий лес, мох, низкорослые деревья и, к моему совершенному удивлению, черничник. Мы залегли в мох и стали ждать.

Чернику ели. Сладкая, даже Папа сжевал пару ягод, что говорило о том, что черника вполне съедобная, ядов нет. Удобное местечко, интересно, что там дальше наверху растет? Может, клюква, а может, даже и женьшень или травы какие полезные. Потом сходить надо, посмотреть...

Не знаю, сколько мы там пролежали, Ной уснул даже, я его будить не стал, все смотрел и смотрел. Отсюда было неплохо видно ту сторону, за дорогой. Дома, да. Они выступали из разросшейся зелени. Некоторые выглядели как новенькие, только без стекол, другие были разрушены и оплыли, словно свечи, еще некоторые проросли зеленкой, как тот, в котором сидели мы, от третьих не осталось почти ничего, только высокие железные столбы, вокруг которых болтались тросы и какая-то дрянь, развевающаяся по ветру. Домов стояло много, выглядели они мертвыми и неприятными. Трубы еще

торчали, покосившиеся и полосатые, а вдалеке, в западной стороне, возвышались расплывчатые громады, касающиеся небес, непонятные и тревожные, и Вышка, переливающаяся малиновым цветом.

Я достал подзорную трубу, намереваясь приблизить даль и убедиться...

Наверное, я так и рассматривал бы этот город, но заметил движение внизу.

Старик. Так мне показалось. Человек передвигался слишком медленно для молодого и был увешан множеством мешков, коробов и корзинок. Торговец, Гомер говорил, что они выглядят именно так, обвешанные все.

Ткнул Ноя.

Невест видно не было. Но я подумал, что он их наверняка прячет в схронном месте, где-нибудь в недоступности, поскольку товар слишком ценный.

– Сиди здесь, – приказал я Ною. – Не высовывайся, если я только не подам знак. Ясно?

– Ясно. А почему не высовываться?

– Потому что я знак не подал! – прошипел я. – Все.

– Послушай...

– Я вернусь, – перебил я.

– Ну да, – уныло пробухтел Ной. – А можно...

– Нет.

Я осторожно стал отползать через мох. Не спеша, чтобы не брякнуло ничего, чтобы не спугнуть, Гомер говорил, что

торговцы очень пугливы. Так же осторожно, почти на цыпочках, сбежал вниз.

Старик оглядывался. Возможно, он меня уже почуял.

Я улыбнулся самой доброжелательной улыбкой и вышел из здания с поднятыми руками – старинным жестом признания.

Старик дернулся, но я улыбнулся еще дружественнее.

– Привет! – сказал я. – Ты торговец?

Старик стал пятиться. Смотрел и пятился, глаза у него выкатывались, причем страшно.

Я начал медленно приближаться к старику, стараясь его не спугнуть. Продолжая показывать безоружные ладони.

Старик остановился и вдруг быстро зашагал мне навстречу. Схватил за руку, заглянул в глаза.

– Я хочу меняться, – произнес я как можно внятней. – Разными вещами. У вас есть полезные вещи? У меня есть порох. Вам нужен порох?

– Порох... – выдохнул старик. – Кровь... Тебе нужна кровь?

– Нет, мне не нужна кровь, нужна...

– Кровь! – скрипнул зубами торговец. – Я не торгую кровью!

– Успокойся...

Он прошептал что-то, я не расслышал.

– Чего ты говоришь? – спросил я. – Скажи погромче...

– Беги, – произнес старик громче.

– Куда? – глупо спросил я.

– Беги! Беги! Беги!

Старик шарахнулся, я огляделся. Ничего. Мир. День. Воздух.

Выстрел.

Автоматическая винтовка, только она стреляет так сухо. Пуля попала в ногу, торговец упал и завыл, я прыгнул в сторону, спрятался за вросшим в землю колесом, и тут же в резину ударила очередь. Кучно. Метко.

Торговец попытался спрятаться в какую-то щель, но щель оказалась мелкой, он не влезал, хотя и старался.

Второй выстрел. Вернее, вторая винтовка, более глухо сработала, наверное, с компенсатором. Пули вжикнули по металлу.

Двое.

Неплохо бьют. И патронов не жалеют, значит, патронов много. Стреляли в старика, зачем? Правильнее было бы в меня, почему тогда...

Через секунду я получил ответ на этот вопрос. Пуля чиркнула рядом с рукой. И тут же еще. Стреляли из-за спины.

– Лежи смирно! – крикнули. – Дернешься – пристрелим!

Все. С разных сторон, со спины тоже. Даже если я и дернусь, то не успею. Надо схватить карабин, перевернуться...

Нормальный стрелок меня пять раз продырявит.

Ной. Он мог помочь. Стрелок он, конечно, никудышный, но позиция у него отличная, слепой попадет...

Ной молчал. Не стрелял. Если бы он убрал хотя бы одного, этого, кто зашел ко мне со спины, я бы рискнул. Толкнулся бы вправо, с разворотом, и попытался...

Не исключено, что за спиной двое. Один стреляет, другой прикрывает. Так что, может, Ной и правильно делает, что не высовывается. Нечего тут высовываться, беречься надо. Если он объявится, меня тут же пристрелят. А потом его.

Лучше прятаться.

– Лови!

Рядом со мной звякнуло железо.

– Голову не поднимай, это наручники!

Я не поднимал голову, не дурак.

– Ружье оттолкни! – приказал этот заспинный.

Я отодвинул карабин.

– Руки в разные стороны – и поворачивайся.

Метров двадцать. Судя по голосу. Топор. Кидать неудобно, и вряд ли попаду. Так что лучше не пытаться. Убивать не собирались, значит...

– Поворачивайся!

Я не спеша повернулся. Так и есть – двое. С винтовками. Магазины удлиненные, много зарядов.

– Руки!

Я показал руки.

– Наручники!

Я нацепил наручники.

– Поднимайся.

Подниматься на ноги в наручниках не очень удобно, пришлось упираться лбом. Но я поднялся.

Огляделся.

Ноя не видно, молодец. Интересно, что бы я стал делать на его месте?

Не знаю...

Еще двое. Мало отличались друг от друга. Пулеметные ленты.

Четверо. Всего четверо. Возможно, где-то еще посадили снайпера.

Стали сходитьсь. Целиться не переставали. Правильно сходились, чтобы в случае чего друг друга не перестрелять. Бывалые, а со скованными руками бегать неудобно.

– На колени!

Для впечатления выстрелили. Рядом с моей ногой.

Я опустился.

Они приблизились. Один схватил меня за шиворот и повалил на спину. Довольно больно, когда тебя роняют вот так, ступни выворачивает, можно и сухожилия порвать. Затем его товарищ засунул мне винтовочный ствол за шиворот, а первый перекинул руки за спину и замкнул наручники на ключ.

Все.

Они отбросили меня и занялись стариком.

Старик перекатился и попытался удрать, но не получилось, его схватили за шкурку и выдернули на ноги и стали

бить.

У него не было оружия. Это меня удивило. Первый раз я видел человека без оружия. Сумасшедший, подумал я. Не торговец, сумасшедший. Иногда они и к нам заходили, обычно весной. Их никто не прогонял, даже кормили, даже селили в отдельной палатке, а они за это пели по вечерам песни и рассказывали стихи с выражением, играли на бубне. Раньше сумасшедших много водилось, они бродили стаями, распевали частушки и богохульствовали на все лады, потом их стало гораздо меньше, потому что сумасшедшие не могли сопротивляться погани, и вот их почти совсем не осталось. Наверное, это был последний, правда, я никаких инструментов не видел, может, он играл на гармошке губной. Вообще, у нас в сумасшедших никто не стреляет...

Эти стреляли.

Этим вообще было на все плевать. Грешники. Явные. Наверное, сатанисты, они все так поступают. Падшие.

Главный – я легко определил главного, по глазам, Гомер учил нас определять – сказал:

– Старик не нужен.

И тот, что надел мне наручники, тут же выстрелил в торговца.

После чего они принялись за меня. Били. Не знаю, зачем.

Старика вот взяли и убили. Падшие души, лишённые спасения. Он им ничего плохого делать не собирался, а они раз – и убили. Падшие, у них на лицах это написано, знаки присут-

ствовали в изобилии. Злоба, пороки разные, мерзкая сыпь и омерзительные прожилки, гной глазной и гниль зубная, и вонь и вообще.

Пусть будут прокляты.

Избили крепко. По ногам старались не бить, видимо, берегли. Зато старались по телу.

Пусть будут прокляты.

Хотя они и так уже прокляты.

Глава 4

Нулевой километр

– Эй, как там тебя, Дэв... Пожрать что-нибудь есть?

Старший Рябой – рожа как дробью мелкой стрельнули, Молодой еще, тот самый, который мне руки сковал. Двух остальных я не знал как зовут, но негодяи и сушая дрянь, это понятно. Еще был Плешак. Плешак сидел неподалеку от того места, где взяли меня. Прикованный к высокой железной рогатке. Меня тоже приковали рядом с ним, руками к ферме, причем руки задрали так высоко, что я висел как на дыбе, плечи выворачивало, Плешаку было гораздо лучше, он просто сидел на земле.

Некоторое время мы молчали, потом Плешак завелся и уже не затыкался.

Болтал, болтал, болтал. В основном про то, что нас тут не просто так приковали. Во-первых, мы можем быть приманкой. Тут неподалеку болото, а это много о чем говорит. Там могут водиться коркодилы, а коркодиля желчь – ценнейший продукт, особенно от суставных немочей. Во-вторых, тут опять же неподалеку болото, и не исключено, что там водится Демон Вод, Ульху, которого как раз пришло время задобрить свеженькой человеческой жертвой...

При этом Плешак с поганеньким радостным сочувствием

поглядывал своими хитренькими глазками, видимо, на эту жертву я как раз и предназначался. Во всяком случае, по его мнению.

Где-то через час Плешак проговорился. Оказывается, Демон Вод Ульху был очень брезгливым демоном – поскольку в водах обитал, а в водах не то что на суше, чисто. И вот, когда Демон покажется из своей трясины и приблизится с плотоядными намерениями, следует немедленно обгадиться. Чудовище почует вонь и побрезгует засранцем. Так что он, Плешак, чувствует в этом отношении себя вполне уверенно.

Плешак с превосходством улыбнулся.

Дело в том, что он дальновидно не ходил по нужде уже три дня, создав тем самым необходимые для отражения посягательств демона припасы.

Конечно, рассуждал Плешак вслух, тут возникают определенные сложности – чтобы таким образом отпугивать Демона, нужно что-то употреблять в пищу, вот он и спрашивает, нет ли чего пожрать...

Даже если у меня и было что пожрать, то все равно достать я бы не смог – руки-то задраны. Но Плешак на это никакого внимания не обращал.

Банда явилась часа через три, к этому моменту у меня уже затекли запястья и плечи. Но я терпел, вернее, почти не чувствовал боли, потому что Плешак болтал, никак не унимался, это действовало крепче белены, еще чуть – и у меня из глаз потекла бы кровь.

– Лучше с ними не разговаривай, – советовал Плешак, пока они приближались. – Это рейдеры, они всех убивают. Нас тоже наверняка убьют, завтра или послезавтра. Или через три дня...

– Зачем?

– Зачем убьют? Да мало ли... Человека можно много для чего использовать, кожа, например, очень хорошая...

Я хотел напомнить – совсем недавно Плешак утверждал, что нас припасли для Демона Вод и надо этому всеми силами желудочных отделов организма противостоять, но не стал. К тому же Плешак убеждал, что лично он охотников за кожей не опасается – он уже загодя повсеместно испещрил свое туловище язвами, шрамами, кратерами от фурункулов и прочими кожными напастями, так что с этой стороны у него тоже все в порядке, гораздо хуже будет, если...

– Если туда продадут, – продолжал Плешак. – Там, – он кивнул на запад, за Кольцо, – там много охочих до человечинки...

И вообще к вечеру этого дня я немного пожалел, что падшие меня не пристрелили. Пух – и все, я уже поднимаюсь по хрустальной лестнице в сияющие чертоги Облачной Канцелярии. А тут...

Плешак оказался настоящим чудовищем, хуже волкера. Он все время болтал, то есть рассказывал о своей прошлой жизни и немного о будущем, в прошлом ему жилось весьма хорошо, в обозримом будущем он должен был сдохнуть, но

это ладно, плохо, что пожрать ничего нет.

– Я говорю – мы точно сдохнем. У тебя есть что пожрать? Если есть, то этим не говори...

– Нет, – ответил я.

– Я так и знал. Я так и знал, а я уже совсем немолод, чтобы голодать... Слушай, дружок, ну, может, в карманах, у тебя так много карманов... Уже подходят, это рейдеры, они всех убивают...

Появились рейдеры. Избили немного, затем нагрузили добром и повели на юг. Я отметил, что карабин, и рюкзак, и спальник, все мои вещи они не выкинули, сохранили. Даже Папу оставили.

Плешак тоже это отметил.

– Это правильно, что они кошака твоего не выкинули, – сказал он. – Смотри, какой он жирный, мы потом его сожрем...

Плешак был уже совсем стар, лет, наверное, около сорока, удивительно, как он до такого возраста дожил. Вот Гомер, он тоже немолодым умер, но Гомер от этого Плешака здорово отличался. Худой такой, твердый, как из веревок железных скрученный. А у этого брюшко, щеки, колени распухшие, как он так протянул?

Плешак сам рассказал как.

Как счастливо он жил на юге, в какой-то очень удачной трубе. Труба была забрана мелкой решеткой, и никакая крупная дрянь сквозь решетку не проникала, сама же труба

находилась рядом со старицей, чрезвычайно богатой лягушками. Как за много лет такого житья Плешак приобрел прочные навыки охоты на этих самых лягушек и никогда не голодал. Он чрезвычайно точно метал камни, ловил лягушек сетью и накалывал на особую пику, связанную из острых спиц. На зиму он вялил лягушек, с запасом вялил, и нанизывал на проволоку такими стогами, и всю зиму питался ими с большим удовольствием, жир нагуливал. Никуда особо не ходил, предпочитая прятаться в трубе. И так бы и продолжалось, но весна выдалась морозной и в старице вымерзла вся икра.

Некоторое время Плешак держался на старых запасах, но потом ему пришлось вылезти. Он совершенно не умел охотиться, не умел ловить рыбу, не умел искать грибы, но ему повезло – забрел на заросли мышинового гороха, обожрался и уснул. А проснулся уже в наручниках. Ничего, в наручниках тоже жить можно, особенно такому полезному человеку, как он. Вот они вчера проходили мимо канав, в них наверняка есть лягушки, отличные, упитанные, он может набить лягушек и зажарить их на решетке, он умеет подманывать лягушек особым звуком. Плешак тут же стал изображать горлом, как он этих лягушек подманывал, и заквакал довольно мерзко и тошнотворно. Меня точно затошнило, однако на помощь пришел Молодой и избил Плешака, после этого он совсем плохо стал ходить.

Но не заткнулся. Вспоминал свое детство да свою молодость, как там все по-другому было, и все время тыкал мне

в спину.

Увидит что-нибудь, и тычет.

– Это Медведково. Северное. Тут медведки жили, во множестве, ги-иблое место. Мне папа рассказывал, они на медведок ходили. Лютые звери. Лютые.

Медведково меня не особо удивило, от другой местности оно не очень отличалось – разрушенные дома, вот и все Медведково.

– А это Большая Размычка. Тут раньше китайцы жили, они со стороны Ярославля бежали, говорят, все дороги от них чернели, вон там...

Большая Размычка больше всего походила на огромную кучу мусора, на муравейник такой, метров двадцать в высоту. Но не из иголок и не из песка, а из разной дряни, даже машины кое-где торчали. Дороги вообще никакой, прямиком простиралась растительность. А про Ярославль я вообще плохо знал, Гомер рассказывал, что там народ жил особенно яростный, и когда из Китая рванули беженцы, они держали оборону до последнего человека.

– Тогда еще через МКАД можно было перебраться, – рассказывал Плешак. – Вот все внутрь и перли, думали, что жизнь там самая хорошая сохранилась. Рвались, рвались как ненормальные. Ну, чтобы они не рвались, дорогу ядом и залили. ВиЭксЗет, самый страшный. До сих пор к дороге нельзя подойти.

Это точно, к дороге подойти нельзя, правильно Гомер го-

ворил, огорожено зло ядовитым кольцом, и нет ни входа туда, ни выхода. Зато вдоль можно. И тропки протоптаны, видно, что народ туда-сюда шастает. Хорошие такие – легко идти, мне совсем не нравились эти тропки. Из-за погани – она всегда в таких местах подкарауливает. Кенга вот, зароется в мусор, глаза выставит – и ждет. Хоть неделю может ждать, ей что. А как ты появишься – она сразу раз – и все. Из-за жнецов. Жнецы по всяким таким тропкам с большим удовольствием передвигаются. Я вот представлял – идем мы, идем, а тут из-за поворота жнец. Новенький, оранжевый, блестящий. И что делать? Куда я с этим пузатым прицепом побегу? Не получится. А рейдерам все равно и даже очень удобно – нас бросят – и врассыпную, успеют оторваться, пока он нас будет в лапшу переделывать.

– А это Синие Корчи. Тут землю корчило, прямо изнутри...

Похоже. Будто под землей взбесилось сразу много гигантских червей, и все они тут извивались. Поломанные дома, дорога сама скорченная, извивается горбом, сразу видно, нехорошее место, непонятно, почему Синие?

И воняет. Какой-то горечью.

Нет, не нравилось мне это путешествие. Гнали нас, как баранов, подгоняли, и так два дня уже. Шли извилисто, я следил за Вышкой. Сначала она приближалась, так что иногда даже без трубы можно было разглядеть свисающие с нее тросы, похожие на щупальца. На второй день она стала смещать-

ся и оказалась по правую руку, затем Рябой – вожак рейдеров свернул к востоку, и Вышка осталась за спиной и вскоре исчезла. А еще она все время меняла цвет, от синего до фиолетового, много разных.

После Синих Корч, через километр, началось горячее болото, которое случается на месте большой свалки, к небу курились дымы, стало жарче, и Рябой повел свою банду в обход.

Мы оказались в лесу, сквозь который немного просвечивала старая жизнь, и блуждали в нем сложной тропинкой. Лес был явно мреческий, я такие хорошо отличаю, на деревьях там поломанных веток много и клоки свисают – оттого, что мрецы приходят спины расчесывать – у них из хребтов щетина лезет, от этого чесотка. Я бы в такой лес и не совался, но этим падшим все нипочем. И все кончилось, как и должно было кончиться, – откуда-то, я даже заметить не успел, выскочили три здоровенных мреца и, растопырившись, кинулись на нас.

Папа завыл, а Плешак завизжал еще больше и потащил меня к ближайшей сосне.

– Карабин! – крикнул я. – Карабин дайте!

Но никто мне, конечно, ничего не вернул, ни карабина, ни топора. Мрецы перли на нас, ускоряясь в своей манере, как это у них водится, вприпрыжку. Зубами уже прищелкивая, чавкая и хрумкая.

Плешак визжал уже совсем неприлично, а я сделать ниче-

го не мог, руки за спиной. Рейдеров же не очень мрецы испугали, способ общения с мречью у них был свой, особый.

Автоматические винтовки. Облезлые. Когда-то черные, теперь все протертые, пегие. Однажды Яков нашел такую, снял с трупа, и вот тоже такая же ситуация случилась. Правда, не мрецы, кикимора выскочила, понеслась, Як вскинул винтовку, давай стрелять, а она не стреляет. И все, нет Яка.

Но эти с винтовками обращаться кое-как умели, едва мрецы приблизились на расстояние поражения, открыли огонь. Широко, патроны не экономили, хотя стреляли все-таки не очень. Грому много, толку мало – мрецов отбрасывало назад, но они не останавливались.

А мрецу надо бить в шею. В туловище бесполезно, ну или, по крайней мере, зарядов двадцать выпустить, чтобы позвоночник разбить. В голову тоже толку попадать особого нет – там вместо мозга пузыри зеленые, если только картечью с короткого расстояния. В шею надо. Чтобы снести позвонки. Тогда мрец останавливается. А эти били по корпусу в основном, на каждого мреца почти по магазину потратили. Мрецы в хлам рассыпались, а я сделал выводы. Что у рейдеров есть базы. Вдоль Птичьего Пути. Потому что таскать с собой столько патронов нельзя.

Эти справились. Количеством пуль. Хохотали потом, видимо, героями себя чувствовали, до вечера рассказывали истории про то, как они в одиночку расправлялись с целыми мертвечиными стаями.

В ночь мы остановились в каком-то безымянном поселении, кирпичные домики с проваленными крышами, вокруг черепица, и колотая и целая, полезли в погреб. Хитрый такой погреб, скрытный, с виду и не скажешь, что есть. Внутри нары, запасы в ящиках, большие баки с водой. Для нас никаких спальных мест не нашлось, пришлось на полу. Ночью я собирался найти какую-нибудь проволоку и вскрыть наручники, но Молодой замкнул на браслетах навесной замок. Карту еще у меня отобрал, сжег, гад.

Следующий день минул без особых происшествий. С утра зарядил дождь, причем, судя по всему, кислый, во всяком случае, из погреба мы вылезать не стали. Рейдеры валялись на нарах, а мы на полу, очень скоро по стенкам потекла воюющая вода, и нам с Плешаком пришлось сидеть на корточках.

Рейдеры от скуки играли в кости. Конечно же, они играли на нас. На меня и на Плешака. Ставки делали и пробивали ушники. Иногда мне, но чаще Плешаку, он, видимо, был неудачником, через час такой игры я почти ничего уже не слышал, а у него из правого уха потекла кровь. Наверное, если бы еще час играли, я оглох бы, но тут Рябой что-то почувал и погнал меня наружу, прицепил на трос и выгнал. Проверить степень кислотности. То есть, если я расплавлюсь, кожа сползет, волосы выпадут, то выходить нельзя.

А там, снаружи, красиво было. Над головой тучи, жирные, но не желтые, как при кислоте, а вполне себе сизые, нормаль-

ные. И дождь нормальный, я это сразу почувствовал, языком лизнул на проверку. А над городом, там, за Дорогой Птиц, никаких туч, небо светлое, и солнышко сверху течет, а на границе тучи смешиваются со светом и клубится бешеная радуга.

Красиво. Я стоял, смотрел и смотрел, как ведьмой сглаженный. Мне хотелось еще, даже несмотря на дождь, нагло сбегавший мне за воротник, но из погребца дернули, и я вернулся.

Игра там разворачивалась уже серьезная, Рябой ставил зуб Плешака, я появился, и Молодой поглядел на меня с интересом.

Но не повезло Плешаку. Рябой направился к нему, Плешак стал упрашивать не вырывать коренные, вот тут спереди у него есть подходящий...

Рябой его не послушал.

Он был вроде как главным, но в кости ему не везло, к вечеру Плешак лишился еще нескольких зубов, причем заглавных, для жевания. Так что ночью к вою погани снаружи добавлялись жалобные всхлипывания Плешака, у которого болели десны. Он даже причитал немного. О том, что теперь у него зубов мало и по этому случаю надо искать мясорубку, потому что лягушки как назло сейчас пошли жесткие, не то что раньше.

Утром нас разбудили пинками и дали завтрак. Жилы. Сушеные, скрученные в жгуты, желтые и по виду подозритель-

ные, одну мне, другую Плешаку. Я принялся жевать, но Плешак тут же заныл, что вчера он лишился многого, и прямо-таки выхватил кушанье, заявив, что я еще молодой, а ему требуется питание для восстановления.

Это меня на некоторое время разозлило, но я быстро взял себя в руки, успокоился и стал наблюдать, как этот лягушатник обедает. Жевал, чавкал, не забывая напоминать о том, что лягушки не в пример вкусней. Особенно коричневые, зеленые все-таки горчат, а коричневые – в самый раз, и даже самые что ни на есть.

После завтрака нас вытолкали на поверхность и погнали вдоль дороги, к югу. В этом месте дорога шла невысоко, и можно было видеть, что случается с теми, кто пытается пробраться поверху. Несколько волкеров, кенга, мрецы, много других тварей, которые сгнили до степени полной неопределяемости. Птиц. Птиц больше всего валялось. Самые разных, от маленьких, вроде как рыжих воробьев, до совсем непомерных, которые могли, наверное, ребенка утащить. Сила Дороги распространялась вверх, птицы пролетали и падали. А другие подлетали, привлеченные видом гнили, и тоже дохли, умножая количество смерти. Много птиц, понятно, почему Дорогой Птиц называется.

Мы пробежали, наверное, километра три, и Рябой командовал остановку.

– Ну вот, – радостно сказал он. – Все, пришли.

Он указал пальцем.

Раньше я никогда такого не видел, Дорога Птиц расходилась в разные стороны, вздымалась вверх и закручивалась в плоский узел, так что в воздухе пересекалось сразу несколько дорожных лент, вокруг валялось много машин, ну, тут везде машины были. Дорога под этим узлом выглядела вполне проходимо.

– Нулевой километр! – с каким-то восторгом прошептал мне Плешак. – Здесь можно пройти, я слышал! Это Горькое шоссе!

– Почему Горькое? – спросил я.

– Много народу передохло, – ответил вместо Плешака Молодой. – Самое гиблое место. Развязка.

Молодой провел рукой по шее.

Мне все сразу стало понятно. Развязка. Нехорошее слово, на самом деле.

Рейдеры оживились, все эти конченные души пришли в возбуждение, зашевелили губами и стали на нас поглядывать с повышенным вниманием.

Я стоял спокойно, даже расслабленно. Падшие закурили, Папа закашлялся, и тогда один из тех, что был мне незнаком именем, выпустил в клетку густую струю. Они заржали, и этот Плешак тоже захихикал, мне и его стало жаль. Садисты, так вроде. Садисты будут строго наказаны, очень строго. Так учил Гомер.

И я в этом не сомневался. Добро да возвысится над злом. Непременно.

– Туда пойдём? – трусливо спросил Плешак и кивнул на дорогу, ведущую под эту развязку.

Я бы не пошел. Вроде чисто, но не пошел бы. И эти не пошли, Рябой повел вправо, вдоль насыпи, и это мне совсем уже не понравилось. Плешак начал вонять, самым настоящим образом, мне показалось, он все-таки обделался. Отпугивал своего Ульху. А может, это от дороги воняло так, там падаль много лет собиралась.

От развязки совсем недалеко оказалось, метров сто, и увидели лаз. Дыру в земле, прокопанную довольно неаккуратно. Знак еще рядом. Не старый знак, какие встречались еще кое-где, не облезлый кирпич, не белая стрелка и не паровоз с рельсами, а улитка.

Улитка, обычная улитка в перевернутом треугольнике.

– Мама... – прошептал Плешак.

Не знаю, чего уж он там испугался, то ли лаза, то ли улитки, но задрожал так отчетливо, что я почувствовал. И завоняло сильнее.

Солнце светило совсем сверху, я сощурился и увидел. Лаз выходил в тоннель. В небольшой такой туннель, который вел на ту сторону дороги. Удобно. А вокруг лаза цветы разрослись, какие-то незнакомые совсем, непонятного цвета – ярко-ярко-зеленого.

– Вот мы и дома, – сказал Рябой с удовольствием.

Плешак дернулся. Рябой наставил обрез.

– Что? – спросил я.

– Туда.

Он указал стволами в сторону туннеля.

– Зачем?

Молодой не ответил, ткнул в зубы стволами, передний выбил, тут я все окончательно и уяснил. Что им надо было, почему они меня не прикончили сразу.

Огляделся, но тут и все остальные на меня оружие наставили. Отобрали карабин. Я все равно не мог им воспользоваться – из-за наручников, рюкзак и спальник тоже отняли. Про Плешака они забыли, и если у него сохранилось бы хотя бы с горошину ума, он бы побежал. Но он смотрел на это с подобострастной и одновременно сочувствующей улыбкой.

– Вперед, – Рябой подмигнул мне. – Иди, не бойся.

Я понюхал. Из дыры ничем не пахло. Но что-то там явно было. Что-то вроде зверобоя. Только хуже. Явно хуже.

– Может, скажете все-таки?

Видимо, шанса никакого.

– Шагай.

Молодой прицелился мне в голову.

В таких случаях полагается молиться. Просить отвести беду, отвести зло. Но в голове почему-то ничего не всплывало. И ничего, никаких чувств. Еще несколько минут назад я чувствовал страх, сейчас ничего. Ничего.

Я не умру в этой дыре. Совершенно точно. Я знал почему-то.

Молодой прищелкнул языком, и я шагнул в сторону про-

хода. Идея возникла – рвануть через этот туннель. Пока эти спохватятся, я уже с той стороны. Конечно, без оружия, без припасов, без Папы...

– Погоди-ка, – сказал Рябой. – Погоди, у меня тут мысль. Давайте плешивого...

– Зачем рисковать? – спросил Молодой. – Пусть идет один щенок, лысый нам все равно потом понадобится.

– С лысым проблем меньше, – подтвердил один из рейдеров. – Он покладистый.

Плешак согласно покивал.

– Он всегда забирает лишь одного, – спокойно произнес Рябой. – Всегда. А мы не доиграли. Давай так – ты ставишь. Все. И я все. Если он заберет щенка, то ты выиграл. И наоборот. Все по-честному.

– Давай.

– Нет... – прошептал Плешак. – Не надо... Не надо!

Тут он окончательно обделался. Меня затошнило. Рябой ударил его прикладом винтовки в колено, так, чтобы чашечку подцепить, а затем еще в живот.

Падшие негодяи. Все верно, все, как говорил Гомер. Чем ближе к Кольцу, тем страшней люди. Ничего святого, ничего. Готовы толкнуть ближнего в пасть. Но не страшно.

Совсем. Почему-то. Я был безоружен и на шаг от возможной смерти, но при этом я чувствовал, что они все в моей власти. И я сделаю с ними все, что захочу. Наверное, это и была Правда. Сила – в Правде, так всегда Гомер говорил. Кто

прав – тот и сильнее, тот и побеждает.

– Двигайте! – Рябой тряс своей винтовкой. – Двигайте, зря мы, что ли, сюда вас тащили?! Лезьте, один все равно останется!

Плешак упал на колени. Тоже понял. Понял, что пробил урочный час, что стрелки сошлись.

Негодяи принялись хохотать. Плешак ползал на коленях, обещал показать тайные места, обещал научить на лягушек охотиться...

– Вперед! – заорал Молодой.

Плешак трясся и первым идти не хотел, падшие принялись щелкать затворами, и первым полез я.

Через лаз пробрался легко, протиснулся в расковырянный бетон и оказался в проходе. Небольшой туннель. Низкий потолок, две лестницы, направо-налево, света много. И с той стороны, и из пролома.

– Поторапливайтесь! – крикнули снаружи.

Тут же мне в шею задышал Плешак.

– Давай направо! – зашептал он. – По лестнице...

– Бесполезно. Сунемся туда – пристрелят сразу.

– И что же?! – плаксиво спросил Плешак.

– Надо вперед. Это единственный шанс.

– Знаю, – Плешак всхлипнул. – Это единственный...

Знаю, знаю. Я слышал про такие места, еще раньше. Тут живет кто-то...

Погань тут живет, я был в этом больше чем уверен.

– Она всегда только одного жрет, – сообщил Плешак. – Такие повадки... Давай, шагай.

Лягушечник кивнул в сторону света.

– Почему я?

– А почему я?! Я старый, у меня нога болит...

Ладно. Он старый. И нога. И еще.

Я вспомнил тропарь, защищающий от зла. Обычно я его ночью читал, ну, если вдруг что-то пойдет не так, закопаться не успеешь, то можно его почитать. Помогает.

Прочитал и сейчас. Вслух, но негромко. Плешак смотрел сначала с удивлением, потом стал слова повторять.

Я закончил и двинулся по переходу. Обычными шагами, спокойными. Плешак за мной. Не отставал, прилип, стучал за спиной зубами, привизгивал. Как крысеныш. А еще меня щенком называли.

Переход. На стене красная стрелка. Тихо. Обычно я неплохо чую опасность, не как Папа, конечно, но все-таки. А здесь...

Ничего. Просто туннель. Чистый, никакой травы. Пол...

Под ботинками захрустело. Как горох сухой. Я остановился и поглядел вниз. Сначала так и подумал – горох, потом пригляделся.

Зубы. Человеческие. И передние, и коренные. Много, весь пол усыпан. Блестят. И не пройти никак, только по зубам.

Плешак всхлипнул.

– Эй, Дэв, – позвал он. – Дэв, оглянись!

Я не оглянусь. Оглядываться в таких местах нельзя, это же известно.

– Кто тебе имя такое придумал, а? Дурацкое... Знаешь, что оно означает? Злой дух, вот что. Повелитель огня. Ты вот взял бы...

Я шагал дальше, зубы продолжали хрустеть. Смотрел вперед. До выхода оставалось совсем недолго, ко мне по полу уже тянулись солнечные лучи. Плешак дышал хрипло.

Перестал.

И зубами хрустеть перестал.

Очень, очень захотелось оглянуться, но я знал, что оглядываться не стоит. Я спокойно дошел до конца перехода, порадовался свету и все-таки оглянулся.

Никого. Пусто.

Лягушатник исчез. Вот только что дышал за спиной, и нет больше. Тихо совсем.

А я остался. Я не боялся, и это меня, наверное, спасло, вот я как думаю. Вся погань чувствует страх, они его любят, они его жрут. Гомер ничего про это не говорил, но я думаю, что страх – это тоже грех. Страх открывает двери. Бесам. Лягушатник боялся – и стал пищей нечистого.

Тварь насытилась и закрыла глаза на всех остальных.

Я оказался по другую сторону Пути Птиц. Ничего тут не было, то же самое, что и с другой стороны. Такой же лес, такие же дома, только, пожалуй, выше. А так... никаких различий. Пока не видно различий. Отродий сатанинских тоже

не видать, хотя нет, видать – из прохода показались рейдеры. Четверо. Все целые. С оружием.

Мои вещи тоже были с ними, у одного на плечах мой рюкзак, у другого на боку клетка с Папой. Папа жив, сидит, шерстью взъершился.

– Знал, что ты не убежишь, – ухмыльнулся Рябой. – Куда бежать? Без оружия, без жратвы. Молодец. Держись нас.

Ну да, подумал я, держись. Вам ведь еще назад возвращаться. Тварь в переходе проголодается.

– Так уж получается, – Рябой кивнул на переход. – Пытались собак запускать, так оно собак не жрет. А ты ничего, смелый. Держись.

Похвалил меня Рябой, тошно мне стало от этой похвалы.

– Тут народ тоже встречается, – сказал он. – Ты какого-нибудь захвати. И его вместо себя в дыру сунь. Слышь, щенок?

– Слышу, – ответил я. – Вполне.

Глава 5

Бодяга

Это был третий дом. Два предыдущих разграбили уже до нас. То есть до них. А может, и они сами.

Высокий, я посчитал, сорок уровней. При строительстве такие дома обделывали красным кирпичом, теперь он совершенно осыпался и дома выглядели ободранно и сиротливо. Первый уровень оказался занесен густым илом, видимо, с Воды, пробиться к дверям не получилось, мы добрались до третьего. Там Молодой принялся вышибать кувалдой замки, после чего меня заталкивали внутрь жилища и смотрели, сожрут или нет.

На меня никто не нападал, дом был пуст. Сначала я думал как-то освободиться – Гомер учил нас избавляться от наручников и веревок, но наручники у рейдеров оказались хорошие, двухзамочные. Я не мог ни сбежать, ни защитить себя, я устал, но духом не пал. Читал про себя тропарь Выдержки и ждал. Я не верил, что со мной случится что-то нехорошее, час мой не пробил. Гомер всегда говорил, у всех людей есть Предназначение. И Владыка забирает в Облачный Полк лишь тех, кто готов к этому, кто достоин.

Вот Гомер погиб, выручая нас. Меня и Ноя. А до этого он нас научил выживать, истреблять мречь и погань, при-

ближать Свет, бранить тьму. Видимо, его Предназначение заключалось в этом. Я же в жизни не совершил еще ничего великого, не выучил никого, никого не спас, то есть встать в ряды Облачного Полка я пока был недостоин.

Рано мне еще помирать. Мало я еще территории зачистил.

Поэтому я не боялся особо. Другое дело, что такое положение меня весьма и весьма угнетало, да и неприятно, честно говоря, ходить вот так – с руками за спиной.

Но я терпел, не хотел радовать этих негодяев видом своей слабости.

Жилища, которые мы осматривали, выглядели достаточно одинаково. Высохшая кривая мебель, будто в один страшный миг она ожила, затем так и застыла в искалеченных образах. Плесень, проросшая через стены, ковры, съеденные молью. В некоторых жилищах моли встречалось так много, что туда было опасно даже заходить. В некоторых мы встречали людей. То есть скелеты, конечно. Где много скелетов, там есть чем поживиться. Потому что люди делали запасы. Судя по тому, что многие запасы были не израсходованы, людей погубил совсем не голод. Видимо, болезнь. А многие не дожидались, когда их пережует тогдашняя древняя състь, и сами решали это дело, некоторые скелеты висели под потолком в толстых веревках и при прикосновении рассыпались в легкий белый прах, другие лежали в постелях и за многие годы в эти постели прорастали, так что отличить, где кончается человек и начинается одеяло, не представлялось

ВОЗМОЖНЫМ.

Интересно. В нашем мире скелетов не остается никогда, а тут... Изнутри человек выглядел очень хрупко. Тонкие косточки, никаких защитных приспособлений. Что неудивительно – лучшее защитное приспособление человека – это мозг. С помощью головы человек может сделать все.

А другие стрелялись, и тогда рядом лежало оружие. Впрочем, оружие это все было обычно неподходящее – либо двустольные охотничьи ружья, либо сгнившие дешевые пистолеты. Но где оружие, там и патроны. Молодой расшвыривал шкафчики, искал боеприпасы. Иногда находил, а чаще из шкафов вываливались совершенно непонятные предметы, в современной жизни совсем не применимые. Я думал, что люди раньше очень любили вещи, окружали себя ими в ненормальном изобилии, видимо, это их как-то успокаивало, что ли.

Иногда, впрочем, попадалось и полезное. В маленьких помещениях, которые назывались кухнями. Там хранились ножи и припасы. В большинстве своем ножи встречались деревянные, гнулись при первом же ударе, но некоторые клинки были хорошие, толстые и закаленные. Топоры еще. Короткие топоры с широкими прямоугольными лезвиями, такие наверняка хорошо метать. Я тоже хотел бы такой, возможно, позже.

Кроме ножей, в кухнях хранились запасы. Не все запасы после многолетнего хранения годились к использованию, но

кое-что еще сохранялось. Масло в пластиковых бутылках, спирт в стеклянных, сахар в пакетах. Все это собиралось рейдерами в мешки. Наверняка награбленная подобным образом снедь составляла основу их питания. Да еще на других людей нападали, отбирали запасы, вряд ли возделывали что или охотой жили.

Сахара им много попало, кажется, на седьмом уровне. Разодрали пакет и прямо из дырки сыпали в рот, жевали, запивали водой, смеялись. Мне тоже хотелось, я сахар всего один раз пробовал, нашли в перевернутом грузовике целую пачку, и каждому из нашей станицы досталось по ложке.

Сахар – самое вкусное вещество в мире.

Мне и сейчас хотелось сахара, с удовольствием сахаром бы похрустел.

Но мне ничего не перепало.

Так мы добрались до одиннадцатого уровня. Устали все. Молодой, тащивший кувалду, наверное, больше других. Он шагнул в коридор первым, с руганью выбил все двери, затолкнул меня в номер сто сорок восемь.

От других он мало отличался. Сначала я увидел зеркало, а в нем себя. Себе я не понравился, слишком старый. Это от усталости. Пыль свисала с потолка страшными полотнищами, я разорвал ее и вошел в большую комнату.

Ничего особенного я там не встретил, диван и на нем два скелета. В углу непонятный предмет, похожий на пень, только с гладкой поверхностью, я подумал, что стул.

В противоположном углу у стены располагался высокий железный ящик, в котором обычно прятали оружие. Я этим ящиком заинтересовался, в постели лежали наверняка самоубийцы, а в железном ящике хранилось оружие. Конечно, со скованными руками я ничем воспользоваться не сумел бы...

Краем глаза заметил слева движение, обернулся. Ничего. Комната продолжала оставаться в недвижимости, видимо, морок. Морок. Бывает, если глаза переутомляются. Или...

Комната как комната. Я снова повернулся к ящику, и тут воздух колыхнулся. Я повернулся резко, как только мог. Ничего.

Но два раза мне не кажется. В этой комнате было что-то не так. Я быстренько оглядел ее еще раз и обнаружил, что именно. У обоих скелетов, лежащих на диване, сломаны ребра. Их грудные клетки вообще были сплющены. Я представил, каким образом они совершили такое странное самоубийство, и понял, что никакого самоубийства тут не произошло. Поздно только понял – странный предмет в углу уже менял очертания.

Не пень, а...

Существо. Лобастое, с костистой головной костью. С низкими плечами и длинными до пола руками. Серовато-синего цвета. Мерзкий уродливый карлик. Поганый – по морде видно – никакого лица у него не наблюдалось, да и морда тоже не блистала правильностью – пасть стекла вниз, к самому подбородку, вместо носа три дырки, уши книзу.

Все это пошевелилось, сначала с некоторой вялостью, затем подняло голову и взглянуло на меня. Глаза у него тоже ползли к подбородку, широко поставленные, мутные и гниловатые.

– Эй... – позвал я.

Существо вдруг резко выпрямилось и с силой метнуло себя через комнату. Головой вперед. Сшибло. Причем с такой мощью, что я пролетел через всю комнату и ударился в мебель.

Рассыпалась. Я сам едва не рассыпался, ударился всеми костями, руки едва не вывернул, почти сломал.

Подниматься на ноги со скованными за спиной руками – занятие неудобное, и я не стал этого делать. Потому что этот карлик уже приближался ко мне, набывчившись. Я отползал вдоль стенки. Тварь прыгнула еще. В этот раз она целилась мне в голову, собиралась ее расплющить, я оттолкнулся ногами, и поганец ударил в стену. Стена не выдержала, наверное, она была построена из сыпучих материалов, рассыпалась, лобастая тварь проперла почти насквозь.

Я перекатился на спину, напрягся, притянул ноги к груди, продел ноги в руки. Руки освободились, то есть теперь они у меня не за спиной были, а как положено.

Поднялся.

Рейдеры не спешили. Этот лобач пытался пробиться с той стороны, долбил башкой, а рейдеры не торопились.

Стена треснула, развалилась, показалась синяя лысина.

Эта самая лысина навела на мысль. Своей гладкостью.

Я кинулся на кухню, там должны быть ножи. И топоры. Почти везде.

На этой кухне топора не оказалось, серьезных ножей тоже, какие-то бесполезные только, с закругленными лезвиями, такими не зарежешь. Принялся искать, выдергивать ящики, в них ничего убойного не находилось, посуда вся легкая, некоторая даже из пластика. Судя по шуму в соседней комнате, погань туда уже почти прорвалась.

В углу кухни возвышался серый грязный шкаф, тоже железный. Я дернул за ручку. Посыпались разноцветные цилиндрические банки...

Оружие. Весьма странное. Лезвие длиной в метр, узкие, острые, закручивающиеся спиральями, с кольцами на конце, шесть штук. Сталь на вид выглядела мягко, но другого я не нашел.

Я вернулся в комнату. Лобач стоял напротив, выставив вперед тяжелую голову. Интересные повадки – забадывать врага, не слышал о таких. Вполне, кстати, убойная техника, крепко бодается, бодяга.

Бодяга прыгнул. Я успел выставить перед собой лезвие. Оно воткнулось в башку, однако серьезного ущерба не причинило, как я и предполагал, согнулось пополам. Успел отодвинуться влево, лобач снес косяк, развернулся. Лезвие торчало в его башке загогулиной, бодяга, не теряя времени, скакнул снова.

Тут я действовал уже осмотрительнее. Удар такой башкой мог не только ребра поломать, но и позвоночник. Он бросился. Снова в тишине. Бодает молча. Молчун.

Я увернулся и всадил шпагу в туловище. И снова бодяга не издал никакого звука, развернулся и кинулся на меня. Как заводная игрушка, как-то раз видел такую, прыгает, пока пружина не распрямится. В этом тоже наверняка скрывалась пружина, адская пружина зла.

Он бросался и бросался, с каждым разом все медленнее, каждый раз уворачиваться мне было все проще и проще, и все пять оставшихся лезвий я вогнал в его туловище.

После пятого он закачался. Тогда я снова кинулся на кухню, схватил тяжелую сковородку.

Бодяга сидел на полу. Бормотал что-то, шевелил ручками, всхлипывал. Но я его не пожалел. Погань ведь.

Показались рейдеры.

– Это что тут? – спросил Рябой.

– Дедушку своего встретил, – ответил Молодой. – Рыбу не поделили.

Они все принялись гоготать.

– Я такого не видал еще. – Рябой указал пальцем. – Это что ж получается? Ты ему что, башку сковородкой разделал?

– Он его еще шампурами истыкал!

– Может, он луком его еще истыкал?

И снова гоготать.

– Что за дрянь вообще? – Рябой отсмеялся и ткнул ство-

лом винтовки бодягу. – Никогда такой гадости не видел...

– В маленькой комнате окно разбито, – пояснил один из рейдеров. – Стекла обычные, не пластиковые. Стекло разбилось, а его ветром закинуло. Забодал здешнее семейство и в спячку впал, вот и все.

– А этот... – Рябой кивнул. – Герой, однако.

– Уходить пора, – сказал Молодой. – Мало ли тут таких... Как напрыгнут, никаких сковородок не хватит. Да и поздно уже, пора на лежку.

– Пить хочу, – сказал я.

– Потом попьешь.

Они поволокли меня вниз, два раза падал. На улице нагрузили добычей. Пошагали быстро. Ругались между собой. Рябой был недоволен, он намечал побольше домов осмотреть, а осмотрели всего ничего. Молодой предлагал остаться еще на ночь, Рябой сквернословил и скрипел зубами, что он дольше одной ночи тут никогда не оставался и оставаться не намерен. Они спорили и вели себя громко. Я все ожидал, что вот-вот откуда-нибудь вылетят поганцы в большом количестве, поскольку Гомер говорил, что здесь ими пропитан каждый километр, так что в некоторых местах даже воздух кровью пропитан, но тут их что-то не наблюдалось, наверное, они вглубь откочевали. А может, ночи ожидали.

Ночь тем временем приближалась. Свет стал разжижаться, солнце терялось за домами, а тени приобрели неприятный бордовый оттенок. Местность оживала. Движение, от-

меченное краем глаза, шорох, обвалившиеся камни, звуки.

Неприятные звуки, дикие. Поганые.

Остальные тоже волновались. Винтовки то и дело поглаживали, озирались.

Потом Рябой, шагавший первым, остановился, и я увидел домик. Из красного кирпича, без крыши, два уровня, даже не домик, а строение, вряд ли в нем раньше кто-то жил, наверное, просто для всяких нужд старинных. Подвал с торца, под железной лестницей. Справа высокий дом, завалился, лежит на другом.

– Ну вот, – усмехнулся Рябой. – Успели...

– Еле успели, – поправил Молодой.

– Но успели.

Рябой поглядел на меня.

– Давай, лезь туда, – указал на подвал.

– Зачем? – глупо спросил я, будто не знал, зачем.

– Затем. Надо ночевать, посмотришь, все ли там тихо. Как обычно.

– А что там может быть?

– Да хоть что! – рявкнул Рябой. – Может, там големы. Или залива натекла. Давай, иди. Пошуруй там везде и нам крикнешь потом. На втором уровне погляди повнимательнее, там часто...

– Что часто? – спросил я.

– Ничего. Шагай, ночь скоро.

– Руки освободите, – напомнил я. – Без рук не пойду...

Рябой и Молодой переглянулись, Рябой кивнул.

Ко мне приблизился Молодой, снял наручники. Я потерял кисти, пожимал кулаки – восстановить кровообращение.

– Торопись, – Рябой ткнул мне стволом, и снова в шею, что за вредная у него привычка.

Когда тебя тычут в шею, по всему телу пробегают колючки.

Я огляделся. Рябой направлял на меня штурмовую винтовку, Молодой тоже целился, остальные с удовольствием наблюдали, стоя чуть поодаль, они, наверное, садисты.

Молодые люди, садисты.

Мне их всех было жалко. Действительно жалко, потому что я знал, что они скоро умрут. Они погрязли в грехах и беззакониях, и терпение Его подошло к концу, и руки мои уже налились праведным гневом. Для них не оставалось уже никакой надежды, а отсутствие надежды – это ужасно, даже для таких.

С другой стороны, заслуживали ли они надежды? Подкарауливали путников, захватывали их в плен, использовали в смертельном деле безо всякой жалости. Они были виноваты, они упорствовали до конца. Падшие, одно им слово.

– Я просто так туда не пойду, – сказал я.

– Почему это? – спросил Молодой.

– Там совсем опасно, – я кивнул на домик.

– С чего ты решил?

– Тут везде, – я обвел пространство рукой, – тут везде

большие, высокие дома, они все разрушены, а этот уцелел. Только стекла вылетели.

– И что?

– Мне нужен карабин.

Они засмеялись, но Рябой вдруг сказал:

– Он прав. Там может быть опасно. Это опасный дом ужасов, дом сорока трупов, Молодой, дай пушку.

Молодой поднял карабин и сунул его Рябому.

– Ого! – Рябой взвесил оружие. – Вот это штука...

Он поднял оружие и выстрелил в стену. Кирпичи разлетелись мелкими брызгами, в стене осталась дыра величиной с кулак.

– Да... – Рябой потер плечо. – Безусловно, это смертельная вещь.

После чего он кинул карабин мне.

И я убедился окончательно – это было явным подтверждением того, что терпение Его истощено, как земля, забывшая про дождь.

– Вперед! – приказал Рябой. – Давай, иди!

– Если кого увидишь – стреляй! – велел мне Молодой.

Остальные двое засмеялись. Я вдруг понял, что не знаю, как их зовут. Я повернулся.

– Как тебя зовут? – спросил я и указал на парня, у которого был пулемет.

– А тебе что? – усмехнулся пулеметчик.

– Он Хирург, – ответил Рябой. – А тот, – указал Рябой, –

тот Болт.

– Меня зовут Дэв, – сказал я.

– Здорово, – сказал Рябой. – Вот и познакомились. У нас уже был один Дэв, сейчас его, наверное, мухи доедают.

– Рожок дайте, – попросил я. – Рожок, пули, топор хотя бы...

– Может, сразу застрелиться? – усмехнулся Молодой.

– Или зарубиться? – заржал Рябой.

Я повесил карабин на плечо и двинулся внутрь дома.

Я не очень люблю невысокие здания, в них пахнет крысами. Двери не было, я вошел в холл, свернул во вторую комнату налево, сел на пол. Напротив меня было окно с весьма удачными осколками стекла. Надо подождать. Такие, как они, нетерпеливы, терпение подразумевает спокойный дух, а дух падших не спокоен. Руки у них чешутся.

Я ждал. Сидел, размышляя о разном. О том, что далеко дом, место, где я жил, в такие минуты лучше думать о простых вещах.

Потом Молодой не выдержал, крикнул:

– Эй, выходи!

Он кричал еще и еще кричал, а потом они начали кидать камни в окна. Наверное, на самом деле нуждались в этом доме, в подвале у них было убежище.

Когда они перестали швыряться камнями, я понял, что пора.

Освободил пружину на прикладе, сдвинул в сторону се-

ребряную накладную планку. Последний вдох. Тайничок, специально для такого случая. Гомер велел сделать. Пользоваться мне им пока еще не приходилось, вот пришлось.

Три заряда. Противников четверо, но меня это не очень волновало, я примерно представлял, как все произойдет. Зарядился. Услышал шаги. Молодой. Он чуть приволакивает ноги, это от легкого плоскостопия.

– Эй! – позвал Молодой. – Ты где?

Я выглянул в коридор, прицелился, выстрелил.

Попал в бедро, как и хотел. Больно, но не смертельно, заживет через месяц.

Молодой заорал и вылетел на улицу, и дальше он орал уже не умолкая. Остальные тут же принялись вопить и стрелять, но почти сразу перестали, я услышал, как Рябой кричит, призывая не тратить патроны, а бить прицельно.

Продолжал выть Молодой, уже как-то хрипло. Просил помочь, но никто, видимо, ему не помогал.

Я перезарядил карабин. Не спеша, тщательно.

Один опять заходил с тыла. Я не видел этого, но прекрасно знал, что так оно и есть, у них подлые повадки. Такие типы всегда действуют по принципу стаи, окружают и дерут с разных сторон. Один, скорее всего Хирург, попробует запрыгнуть в окно, застать врасплох. Поэтому я прислонился спиной к стене, сел покрепче и стал ждать. В окне должна была появиться гнусная морда негодяя, я готовился в нее выстрелить, но так не случилось – из-за окна послышался крик.

Очень неприятный. Судя по всему, тот, кто хотел зайти ко мне с тыла, вляпался в хлябь. Или в хмарь. Вляпался во что-то. Во всяком случае, кричал он больно, когда сломают ногу или еще что, так не орут.

Сейчас эти побегут его выручать.

Так оно и оказалось, я услышал, как под окном страшно заругался Рябой, тот, другой, стал кричать громче и страшнее, будто его стали выдавливать из кожи, затем послышался выстрел и крик стих. И теперь слышались только стоны Молодого.

– Молодец! – крикнул Рябой. – Как ты нас...

Это он, видимо, мне.

И тут же в окно влетела граната. Я вскочил, рванул в соседнюю комнату и успел – в стену ударило, сбило с ног. Видимо, Рябой очень разозлился, если потратил на меня гранату.

С потолка осыпалась мелкая белая взвесь, стало тяжело дышать.

Выстрел. Молодой замолчал.

Этих осталось двое. Я один. Наверняка они стояли возле стены, в мертвой зоне. Ждали. Что я выйду. А я ждал, что они войдут, ситуация тупиковая. Хотя...

Они могли и рискнуть. Рябой знает, что на перезарядку мне требуется время. То есть, если они ворвутся вдвоем, у одного будет неплохой шанс. Только вот вряд ли Рябой захочет рисковать.

У него не будет выбора. Скоро, уже совсем скоро стемнеет, и тогда им придется искать новое место. Значит, он пошлет Хирурга. Или Болта, я не определил, кто там погиб под окном, пошлет дурака, а сам следом. Я в дурака пальну...

Так, в общем-то, и оказалось. Показался Болт. Я осторожно глядел из-за угла, лежал на полу и глядел. Шагал Болт медленно, на цыпочках, зыркал туда-сюда, поводил дробовиком, винтовку оставил. Дробовик помповый, полезное оружие, особенно если куча мрецов прорвется. Дробовик как раз подходил, ведь большинство гладкостволов звучит одинаково. И Болт мне подходил. Дурак, трус и негодяй, такие невыдержанны и любят стрелять.

Когда он приблизился на должное расстояние, я выставился, скривил злобную рожу, заорал. Этого оказалось достаточно, Болт выстрелил. Один раз и почти сразу же второй, вдогонку. Промазал – первый заряд в стену, второй почти что в потолок.

Рябой клюнул. После второго выстрела он влетел наперевес со своим автоматом, мне ничего не оставалось, я выстрелил ему в плечо. Рябого швырнуло на стену, он стукнулся головой, сполз на пол. Болт несколько секунд стоял с открытым ртом, смотрел на меня. Карабин у меня был разряжен, но Болт про это забыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.